

К историографии Великой Отечественной войны

А. А. Ахтамзян*

Вторая мировая война началась в 1939 году с нападения гитлеровской Германии на Польшу по заранее подготовленному плану под кодовым названием «Вайс». Здесь следует отметить, что планы экспансии нацисты готовили заранее: план аншлюса Австрии под названием «Отто», план аннексии Судетской области и ликвидации государства Чехословакия — «Папка Грюн», оккупации Бельгии — «Гельб», вторжения во Францию — «Рот», высадки германских войск в Норвегии — «Везерюбунг» и так далее. План нападения на Советский Союз нацисты составили сразу после капитуляции Франции как директиву главного командования с условным названием «Барбаросса». А. Гитлер подписал директиву в декабре 1940 года. Операции вермахта в 1939–1941 гг. были столь успешными (подчинение десятка стран Европы за короткий срок и без больших потерь), что придало нацистским стратегам уверенность в том, что война с СССР будет краткосрочной и успешной. Одним из инициаторов плана блицкрига (молниеносной войны) против Советского Союза считались наряду с В. Кейтелем генерал танковых войск Ф. Гудериан, а также генерал Ф. Паулюс.

Исходная позиция заключалась в том, что коммунисты основной противник фашизма, а Советский Союз гитлеровцы считали главным препятствием на пути Германии к мировому господству под лозунгом установления «нового порядка» в мире. Разрушение Советского Союза, уничтожение России как государства, а русских как нации было глобальной стратегией нацистской Германии. Лозунг — борьба против большевизма, цель — уничтожение России. Такова суть стратегии нацистской Германии — «Третьего Рейха», которая разрабатывалась в течение длительного времени (вплоть до весны 1942 года) и получила отражение в нескольких государственных документах. Совокупность или комплекс документов нацист-

ских ведомств получил общее название «Генеральный план Ост».

Текст генерального плана на 100 страницах был выявлен после войны в архиве Берлин-Лихтерфельде¹. Подзаголовок на титульном листе гласил: Правовые, хозяйственные и территориальные основы обустройства Востока. План составлялся в течение нескольких лет, однако на титульном листе поставлена дата — 28 мая 1942 года. Основная цель иностранного документа — обоснование захвата чужих земель. Эта задача была определена А. Гитлером еще в пресловутом сочинении «Майн Кампф»: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены» (Гитлер А. Моя борьба: пер. с нем. М.: Т-Око, 1992. С. 565). Разработка в деталях была поручена Альфреду Розенбергу — главе внешнеполитического ведомства НСДАП. В апреле 1941 г. под его началом начало свою деятельность центральное бюро по подготовке «решения» судьбы «восточного пространства». Непосредственно после вторжения вермахта на территорию СССР (17 июля 1941 г.) было создано имперское министерство по делам оккупированных земель во главе с А. Розенбергом, получившее краткое название восточного министерства. Свою деятельность это министерство развернуло в тесном контакте с ведомствами Г. Геринга и Г. Гиммлера, т. е. СС и гестапо. Ни один из документов не предусматривал создания коллаборационистских, хотя бы марионеточных, «самостийных» правительств.

Еще в мае 1941 года внешнеполитическое ведомство рейха рассмотрело карту административного управления территориями, которые подлежали оккупации. Захваченные территории Советского Союза предполагалось расчленить по крайней мере на четыре «протектората»: 1. Прибалтика и Белоруссия, 2. Московия, 3. Украина, 4. Кавказ. Для управления

* Абдулхан Абдурахманович Ахтамзян — д. и. н., почетный профессор МГИМО(У) МИД России.

этими территориями намечены гауляйтеры. «Ленинград остается вне намеченных пределов. На юг граница идет до Ильмень-озера, далее вдоль реки Волхов и проходит в 50 км восточнее Смоленска вплоть до Украины», говорилось в документе. Предполагалось расширение Украины за счет России (Московии) вплоть до поселений немцев в Поволжье. Восточные пределы Московии предполагалось определить позже. Названные документы дают полное основание для категорического отклонения утверждения нацистской пропаганды (первым эту версию ввел в оборот Геббельс), что Германия начала превентивную войну против Советского Союза. Генерал (фельдмаршал) Ф. Паулюс, попавший в плен в Сталинграде, одним из первых германских военных признал, что оценка войны Германии против СССР как превентивной войны — это ложь: при разработке в германском генштабе плана вторжения в Советский Союз офицеры не получали никаких указаний о необходимости оборонительных операций.

В течение нескольких десятилетий советские военные историки продолжали исследование Великой Отечественной войны. Были созданы многотомные исследования². Исследования проведены на основе изучения документов из российских и германских архивов. Серьезным источником информации служат воспоминания советских военачальников, маршалов и генералов. Большой вклад в изучение основных событий периода войны внесли участники войны, ставшие профессиональными историками: В. А. Анфилов, Л. А. Безыменский, М. А. Гареев, В. И. Дашичев, А. С. Протопопов, Г. Л. Розанов.

Фундаментальные исследования В. А. Анфилова «Начало Великой Отечественной войны» и «Бессмертный подвиг» М. 1971, Л. А. Безыменского «Генеральный план Ост» и «Гитлеровские генералы с Гитлером. и без него» М. 1979, М. А. Гареева «Маршал Жуков» М. 1996 и «Полководцы победы и их наследие» М. 2003, В. И. Дашичева «Стратегия Гитлера — путь к катастрофе» в 4 томах М. 2005, А. С. Протопопова «Италия в годы Второй мировой войны», Г. Л. Розанова «Германия под властью фашизма» и «Конец третьего рейха», поистине составили солидный научный фонд истории Великой Отечественной войны. Особенно ценно, что за десятилетия сложился довольно полный пласт источников российских и германских, включая в том числе воспоминания и исследования советских военачальников.

На этом фоне попытки некоторых индивидуумов пересмотреть и общие оценки и конкретные события войны выглядят как негодное покушение на итоги Второй мировой войны, на Победу народов над фашизмом. Такие покушения имели место в западных странах вскоре после завершения мировой войны. Так называемая перестройка создала условия для проявления такой тенденции и в среде «публицистов» российского происхождения. В мае 1990 года лондонская газета «Таймс» презентовала

книгу «Ледокол. Кто начал вторую мировую войну» как «самое оригинальное произведение современной истории», якобы написанное Виктором Суворовым, а на самом деле агентом спецслужб, перебежчиком по фамилии Резун. Уже через пару лет издательский дом «Новое время» при содействии банка «Деловая Россия» выпустил книжонку на русском языке в Москве. Правая германская газета «Вельт» высказала ожидание «дикой ярости» советских товарищей: профессиональный разведчик дескать устраняет «белые пятна» истории. На деле измышления Резуна — это типичная фальсификация истории под видом новой интерпретации: это же была превентивная война Гитлера против Сталина, но не война советского народа против фашистских захватчиков. Вскоре появилась книга новоявленного мэра Москвы Гавриила Попова «1941–1945. Заметки о войне». Через несколько лет выходит двухтомная история России под редакцией православного автора Зубова, опровергающая давно установленные факты и оценки. Есть основания говорить не только о тенденции, но и о диверсии. Правда на титулах книг авторы не пишут, кто финансирует издания.

На книжных прилавках России на рубеже веков появились в переводе на русский язык мемуары и сочинения нацистских военных преступников: дипломатов и генералов, в том числе осужденных в Нюрнберге в 1946 году. Возможно, это допустимо для создания имиджа объективности «либералов». Однако количественный баланс явно не в пользу отечественных авторов. Тенденциозность сочинений германских генералов вполне понятна: реабилитация своего участия в преступной войне, стремление возложить всю вину на Адольфа Гитлера³, а поражения на фронтах объяснить исключительно неблагоприятными погодными условиями в России и зимой, и летом. Таких книг германских авторов, военных и политиканов, на книжных полках скопилось более сотни книг.

На этом фоне выход в свет книги генерала армии М. А. Гареева «Полководцы Победы» — это обращение к соотечественникам: Граждане, на уроках истории надо учить молодое поколение защищать свою страну, ее честь и достоинство. Книга генерала армии, доктора военных наук и доктора исторических наук Махмута Ахметовича Гареева, вышедшая первым изданием в 2003 году, а вторым — в 2004 году, представляет собой фундаментальное исследование не только опыта стратегических решений в период Второй мировой войны, но и современного стратегического положения России⁴.

Ближайшими сотрудниками верховного главнокомандующего И. В. Сталина в ГКО были маршал Г. К. Жуков, маршал. А. М. Василевский, генерал армии А. И. Антонов и адмирал флота Н. Г. Кузнецов. Командовали фронтами: маршал Мерецков, маршал Говоров, маршал Баграмян, генерал армии Черняховский, маршал К. К. Рокоссовский, маршал Конев,

маршал Еременко, маршал Малиновский, маршал Толбухин Эти военачальники противостояли профессиональным военным, германским фельдмаршалам. Именно они оказались на голову выше чванливых германских феодалов, надеявшихся увеличить свои земельные владения. Только двое советских маршала имели опыт участия в коалиционной первой мировой войне (Г. К. Жуков и А. М. Василевский), тогда как почти все германские генералы имели опыт участия в коалиционной войне. Это было их преимуществом и в то же время минусом, который был отмечен в конце войны одним из сподвижников фюрера. Они были старше советских генералов и маршалов лет на десять и не учились в военных академиях как советские офицеры.

Гитлер готовился к агрессивной войне, имея в своем подчинении большое количество высших офицеров, которые, как полагал фюрер «свое дело знают». Фельдмаршалы фюрера составляли большой список: Вернер фон Бломберг, Вальтер фон Браухич, Эвальд фон Клейст, Вальтер фон Рейхенау, Вильгельм фон Лееб, Федор фон Бок. Список аристократов фельдмаршалов этим не исчерпан. Пополним его менее титулованными именами: Эрвин Кейтель, Зигмунд Роммель, Фридрих Паулюс, Эрнст Буш, Вальтер Модель. Здесь уместно отметить замеченное нацистами отличие советских генералов — их неаристократическое социальное происхождение и опыт участия в гражданской войне. Продолжение списка фельдмаршалов аристократов: барон Максимилиан фон Вейхс, Эрих фон Манштейн, Георг фон Кюхлер, Георг фон Рундштедт, Гюнтер фон Клюге, Эрвин фон Вицлебен, Фердинанд Шернер. Список завершают маршалы люфтваффе во главе с Германом Герингом⁵. Привожу список, чтобы было ясно, что трехмиллионная гитлеровская армия вторжения имела в качестве командиров профессиональных военных, а не одного ефрейтора первой мировой войны Адольфа Гитлера. Попытка западных авторов героизировать германских генералов за их «подвиги», особенно в войне против Советского Союза, скажем прямо, не имеет никаких реальных оснований, так же как и для восхищения «гением» фюрера, который менее чем за год (к середине 1940 года) покорил десяток стран Европы.

Между тем, такие попытки имеют место в западной историографии. В 2010 году в Москве вышла в свет книга «Десять фатальных ошибок Гитлера» некоего Бевина Александера. Книга имеет подзаголовок «Фюрер мог выиграть войну?»⁶ Издательская аннотация представила «сенсационную книгу» как исследование, переворачивающее прежние представления на самую страшную войну в истории человечества. Издатели полагают, что фюрер не только мог, но и должен был победить, если бы внимательно выслушал своих генералов и не допустил несколько ошибок стратегического характера. Стратегию первого года второй мировой войны надо было продол-

жить и покорять слабые в военном отношении страны, используя стратегию древних китайцев: «Чтобы избежать сидного, нужно нанести удар по слабому». Главная ошибка фюрера — неверная оценка силы Советского Союза, преждевременное нападение на него. Книга Б. Александера по сути своей предположение, а не исследование. Он широко использует гипотезу, прибегает к методу и утверждению «Если бы...»

На первом этапе второй мировой войны гитлеровцы получили в свое распоряжение материальные ресурсы 12 стран Европы с общей численностью населения в 290 млн человек, годовой добычей угля в 400 млн тонн, выплавкой стали 45 млн тонн, производством автомобилей до 700 тыс. штук в год. Германская промышленность выпускала в год около 10 тысяч самолетов и 5 тысяч танков. Материальные ресурсы, которыми располагали нацисты, в два с лишним раза превосходили возможности Советского Союза. Потери вермахта на западе были минимальными.

С 1939 по 1941 гг. германское командование сосредоточило для восточного фронта против СССР 190 дивизий, в том числе. 153 германских дивизии численностью до 4 млн кроме того 37 дивизий сателлитов, общей численностью около 1 млн человек! Армия вторжения состояла из 3,3 млн сухопутных сил, 4 танковых армий (4 тысячи танков), 4 воздушные армии (4 тысячи самолетов), артиллерия: свыше 40 тысяч стволов.

Германский вермахт был подготовлен для захватнической войны и имел директиву германского командования под номером 21, утвержденную Гитлером 18 декабря 1940 г., вскоре после дипломатической миссии наркома В. М. Молотова в Берлин, и известную как «план Барбаросса». Это был план быстрой, «молниеносной» операции по разгрому Красной Армии и достижению геостратегической линии Архангельск — Астрахань. Немецкие историки в послевоенное время были вынуждены признать, что война нацистской Германии против СССР планировалась с самого начала как расовая война.

Вторжение вермахта 22 июня 1941 г происходило по трем стратегическим направлениям:

- Норд (командующий фельдмаршал фон Лееб) на Ленинград
- Центр (командующий фельдмаршал фон Бок) на Москву
- Зюд (командующий генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт) на Киев.

Начальный период войны был очень тяжелым для нашей страны в силу ряда причин объективного и субъективного характера. Одной из причин было внезапное нападение Германии вопреки имевшемуся пакту о ненападении. Произошло вторжение хорошо вооруженной мобилизованной для ведения мировой войны германской армии, с другой стороны действовала установка не дать повода для конфликта, чтобы избежать вовлечения в мировую войну. Таким пово-

дом могло стать подтягивание войск к границам или даже учения близ границ.

Нападение гитлеровской Германии и ее союзников на Советский Союз 22 июня 1941 года — это неопровержимый исторический факт. «Божья кара» здесь ни при чем. С первого дня войны — Великой Отечественной войны советского народа против нацистских захватчиков была войной справедливой оборонительной. Карателями с первого дня и часа выступали не только отряды СС и офицеры вермахта, но и солдаты вермахта, исполнявшие преступные приказы. В первые месяцы Великой Отечественной войны сотни тысяч воинов Красной армии оказались в окружении и в германском плену не по своей вине.

Особенно много воинов попали в плен в первые месяцы войны.

Провал операции «Тайфун» и «Плана Барбаросса»

В истории не только Великой Отечественной войны, но и Второй мировой войны в целом оборона Москвы и начавшееся с нее контрнаступление Советской армии против германского вермахта занимает особое место. Значение обороны Москвы заключается не только в том, что советский народ отстоял свой главный город после многочисленных кровопролитных сражений и больших потерь, но и в том, что нацистская Германия потерпела первое с начала мировой войны масштабное, можно сказать, сокрушительное поражение. Стратегический план агрессии, известный под названием «План Барбаросса» оказался несостоятельным. План быстрой войны, молниеносной войны, составленный в германском генеральном штабе, не был реализован, потому что Советский Союз, сосредоточив свои силы, противопоставил агрессору несокрушимую волю к сопротивлению агрессору.

Отечественная и зарубежная историография знает сотни и тысячи публикаций, в которых подвергнуты анализу разные аспекты этого события. В Советском Союзе, а теперь и в России история Великой Отечественной войны, включая начальный этап войны и сражения за Москву, исследована весьма основательно и получила отражение в многочисленных исследованиях⁷. Особо следует отметить исследования отечественных военных историков, которые тщательно изучили не только отечественные документы, карты и мемуары, но и германские трофейные документы и публикации⁸.

В итоге изучения архивных источников, не только отечественных, но и германских свидетельств и документов историк М. Ю. Мягков опубликовал в 2005 г. обобщающее исследование под названием «Вермахт у ворот Москвы»⁹. Монография представляет собой наиболее полный на данный момент анализ исторического события. Автору удалось уточнить и конкретизировать многие факты военной истории, а главное — выявить политические причины

поражения германского вермахта. Может показаться, что тема изучена и исчерпана. Однако и спустя десятилетия после события тема остается актуальной в силу того, что не прекращаются попытки разных политических сил в разных странах исказить картину хода и исхода второй мировой войны, а главное извратить причины победы советской армии.

Основными отечественными источниками по истории сражений за Москву, естественно, служат документы и воспоминания советских полководцев, прежде всего Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. Рокоссовского и других¹⁰. Серьезным источником информации по истории событий на советско-германском фронте остаются дневники и документы германских военачальников, прежде всего Франца Гальдера, Федора фон Бока, Карла Рудольфа фон Рундштедт и других¹¹.

Автор данной статьи считает актуальной задачей исследователей показать, как в историографии с течением времени предпринимаются попытки смещением акцентов изменить реальную картину битвы за Москву, подменить действительные причины поражения вермахта под Москвой субъективными суждениями о погодных условиях таких, как непроходимая осенняя слякоть, а затем «преждевременная» зима, «генерал Мороз» аж в 36 градусов. После войны и смерти Гитлера и военные, и историки всю вину за подготовку и развязывание войны попытались переложить на фюрера, особенно вину за ... поражение в войне. Особенно усердно клеймили фюрера генералы, которые в свое время не присоединились к заговору против него и остались живы. Германские генералы потерпели поражение в мировой войне, однако, как отметил не без иронии Уинстон Черчилль, они взяли реванш в мемуарах.

Теперь и в перестроившейся России они нашли издателей и читателей. Их сочинения в переводе на русский язык выходили в России большими тиражами. Общее количество мемуаров и сочинений нацистских деятелей, увидевших свет в России спустя более полувека, достигает 200 наименований. Полагаю важной задачей историков старшего поколения сохранить и передать новому поколению соотечественников верное представление о Великой Отечественной войне, чтобы избежать повторения трагедии.

Научная проблематика исследования истории обороны Москвы имеет ряд аспектов: от изучения хода и исхода военных действий до международных политических последствий первого крупного поражения германского вермахта. Разумеется, предметом изучения исторического события и его последствий являются и социально-экономические факторы, определившие ход и исход не только сражения за Москву, но и всей Второй мировой войны.

Для систематизации знания фактов и их взаимосвязи для историков имеет значение условная периодизация исторических событий. Для определения места и значения сражения за Москву на первом этапе Великой Отечественной войны важно

определить временные рамки сражения за Москву. Одни исследователи считают, что битва за Москву началась с момента нападения германского вермахта на нашу страну, поскольку стратегические планы Германии предусматривали захват Москвы, Ленинграда, Киева и продвижение до линии Архангельск — Астрахань. Другие склонны считать началом сражения за Москву введение в действие германского плана «Тайфун». Имеются разночтения в определении завершения этапа сражения за Москву: ржевско-вяземская операция (2–31 марта 1942 г.) или 20 апреля 1942 года. Полагаю, что наиболее точно определил рамки Московского сражения маршал Г. К. Жуков, один из главных руководителей обороны Москвы. Это две даты: 30 сентября 1941 г. и 20 апреля 1942 г. Первая дата — это начало германского наступления с целью захвата Москвы, Вторая дата — завершение ржевско-вяземской операции (8 января — 20 апреля 1942 г.

Наступление с целью захвата Москвы германское командование начало готовить сразу после первых успешных действий в приграничных районах СССР, не останавливаясь, несмотря на существенные потери в живой силе. Генштаб констатировал спокойно, что за первую неделю войны на восточном фронте, с 22 июня по 30 июня 1941 года, потери вермахта составили 41 087 человек, в том числе 524 офицера и 8362 унтер-офицера. Генштабисты хладнокровно отметили, что это относительно немного, если иметь в виду контингент в 2,5 млн человек на восточном фронте. Однако это было больше, чем потери на западном фронте за то же время. Конечно, расчет строился на плане быстротечной, молниеносной войны, не долговременной войны¹².

«Отход противника перед фронтом группы армий „Юг“ происходит наверняка не по инициативе русского командования, а в результате того, что в ходе продолжительных упорных боев силы противника оказались перемолотыми и большая часть его соединений разбита», — записал Ф. Гальдер. Он полагал, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии на фронте Западной Двины и Днепра выполнена. Ссылаясь на показания одного пленного командира корпуса, начальник генштаба полагал, что за Днепром смогут сопротивляться лишь разрозненные группы русских. Общий вывод генерала был таков: «Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней». (Гальдер Ф. Военный дневник: 1941 год. Смоленск, 2006, с. 296) Начальник генштаба явно мыслил масштабами войны против Польши, Франции и Дании.

«План Барбаросса», точнее директива № 21 верховного командования, предусматривала быстрое продвижение трех группировок войск на направлениях «Юг», «Центр», «Север». Стратегическая цель была обозначена четко: достижение за несколько недель линии Архангельск — Астрахань. Директива

ставила перед группировкой армий «Центр» как важнейшую задачу — быстрое продвижение к Москве: «Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла»¹³. Нацистское командование рассчитывало за несколько недель дойти до Москвы, разгромив основные силы Красной Армии на театре военных действий на территории до Днепра и Западной Двины. Начальник штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Фюрер считает, что в случае достижения Смоленска в середине июля, пехотные соединения смогут занять Москву только в августе»¹⁴. Однако на деле в августе удалось лишь начать переброску войск на центральное направление с целью захватить Смоленск и до зимних холодов захватить столицу Советского Союза.

По сведениям военных исследователей, к октябрю 1941 года соотношение сил на советско-германском фронте сложилось в пользу агрессора: общая численность сухопутных сил вермахта на восточном фронте достигала 4 млн 300 тыс. человек против 3 млн 245 тыс. человек в действующей советской армии. Вермахт имел на фронте 2270 танков против 2715 (в том числе средних и тяжелых танков было всего 726) артиллерийских орудий более 43 тысяч против 20,6 тыс., более 3000 самолетов против 1460 с советской стороны¹⁵. Следует иметь в виду, что значительное количество техники Советская армия потеряла в ходе вынужденного отступления.

Дневники Франца Гальдера, несмотря на определенную субъективность суждений, представляют собой достоверный источник информации о соотношении сил и о событиях на фронте¹⁶. Как историк полагаю, что вопреки предвзятому мнению в зарубежной и отечественной историографии следует признать, что Советская армия оказала упорное сопротивление агрессору и нанесла ему уже в первые месяцы войны существенный урон. Об этом свидетельствуют данные германской стороны. За 5 месяцев (до середины ноября) войны на советско-германском фронте вермахт потерял уже 16 920 офицеров ранеными и 6360 убитыми, Общие потери унтер-офицеров и рядовых достигло 685 792¹⁷. Таким образом, к решающему сражению под Москвой германская армия пришла существенно ослабленной. Правда, и Красная армия понесла огромные потери, особенно ощутима была потеря кадрового состава вооруженных сил. Однако советское командование за время оборонительных боев и вынужденного отступления непрерывно пополняло действующую армию людскими резервами. Здесь уместно отметить, что партия и правительство страны выполнили гигантскую работу по мобилизации резервов и ресурсов под лозунгом: «Всё для фронта!» В литературе некоторые авторы применяют понятие «перманентная мобилизация».

Без планомерной работы по подготовке к оборонительной войне было бы немислимо отмоби-

лизовать миллионные массы воинов, которых надо было одеть, обусть, регулярно кормить и обеспечить оружием, не говоря уж о технике и вооружениях. Публицистам, которые с легкостью необыкновенной рассуждают о стратегии, следовало бы помнить о таких обыденных факторах, как снабжение сражающейся против агрессора армии. Самоотверженный труд соотечественников в тылу был, несомненно, одним из важных факторов обороны страны.

На Германию в это время работала индустрия десятка союзных с ней и оккупированных стран Европы. У России имелся в этот момент (кроме союзных республик) один надежный союзник — Монгольская республика, которая поставляла не только мясо, но и овчинные полушубки, лошадей для кавалерии и артиллерии. Участник Великой Отечественной войны, академик С. Л. Тихвинский, выступая на конференции круглого стола в Дипломатической академии в связи с 65-летием Московской битвы, вспоминал о пребывании монгольской правительственной делегации в нашей стране и даже на линии фронта в дни московского сражения. Делегация была принята Г. К. Жуковым в Перхушково, где находился штаб Западного фронта¹⁸.

Серьезным фактором обороны Москвы с первых недель войны стало партизанское движение на оккупированных территориях, прежде всего в Белоруссии и Украине. Как историк я уверен в том, что действия партизан Белоруссии на коммуникациях, особенно на железных дорогах, служили важным фактором обороны Москвы. Масштабы партизанского движения в Подмоскovie не были велики: более 40 отрядов общей численностью до 2000 человек¹⁹. Однако к этому времени эффективно действовали отряды в Смоленской области, в Витебской области Белоруссии, на линиях коммуникаций в оккупированных западных районах страны.

В дневнике начальника генштаба 5 сентября записано в связи с совещанием у фюрера: «Ленинград. Цель достигнута. Отныне район Ленинграда будет «второстепенным театром военных действий». Кавычки в тексте, видимо, означают, что это выражение принадлежит самому фюреру. Далее следует стратегическое соображение: «Исключительно важно значение Шлиссельбурга. Для полного окружения Ленинграда по внешнему кольцу (до Невы) потребуется 6–7 дивизий. Сильные пехотные части сосредоточить по возможности за Невой. Окружение с востока, соединение с финнами» (Гальдер Ф. Военный дневник: 1941 год. Смоленск, 2006. С. 374). Таким образом, если на северном направлении цель достигнута, то центр тяжести может быть перемещен на центральное направление. Следующий пункт стратегического плана — «Наступление на войска Тимошенко». Задача: «окружить и уничтожить» На следующий день генштаб определяет соотношение сил ВВС, своих и (по разведанным) советских: на центральном направлении соотношение: 457 единиц против 549,

при явном преимуществе германских сил в бомбардировщиках, советских в истребителях. (Гальдер Ф. Военный дневник: 1941 год. Смоленск, 2006. С. 317)

Еще 6 сентября германское командование издало директиву о наступлении на Москву через Брянск и Смоленск. Командование группы армий «Центр» подготовило к 16 сентября директиву о проведении наступательной операции под претенциозным названием «Тайфун», которая должна начаться не позже первых чисел октября. План предусматривал прорыв обороны противника по обе стороны дороги Рославль—Москва. Предусмотрен был возможный поворот наступления на Вязьму, а также на Ржев. Задачи армий и соединений в приказе расписаны весьма обстоятельно²⁰.

В конце сентября вермахт захватил Киев. Фельдмаршал Ф. фон Бок вместе с фельдмаршалами В. фон Брухичем и А. Кессельрингом убедили Гитлера развернуть наступление на Москву, чтобы взять ее еще до зимних холодов. Утром 30 сентября Ф. фон Бок отдал приказ начать наступление на двух направлениях: на Брянск и на Вязьму. Ставка делалась на быстрое продвижение танковых армий и окружение крупных группировок советских войск. Западные историки склонны считать операции по окружению под руководством Ф. фон Бока самыми хорошо продуманными операциями «за всю военную историю»²¹. Перед развертыванием наступления на Москву германское командование перебросило 10 дивизий с других направлений, а также из резерва. Ударные силы (три полевые армии плюс три танковые группы) имели более 14 тысяч орудий, 1700 танков, поддержку примерно 1400 самолетов²². В целом ударные силы группировки «Центр» составляли, по оптимальным оценкам, 75 дивизий численностью до 1 млн 800 тысяч человек.

Командующий группой армий «Центр» Федор фон Бок вел ежедневные записи относительно положения на центральном направлении. В первой декаде сентября он зафиксировал такое соотношение соотношения германских дивизий на трех основных направлениях восточного фронта: «Юг» — Рундштедт 77 дивизий против 47 советских дивизий, «Север» — Лееб 31 дивизия против 25 советских, «Центр» — Бок 55 германских дивизий против 86 советских дивизий. (Бок Ф. Цит. соч., С. 502) Численность и состояние советских дивизий следовало бы уточнить. Советское командование подтягивало силы для обороны Москвы с других фронтов, не оголяя, однако, фланги. Но основная ставка делалась на переброску свежих сил, формируемых в тылу с задачей ведения боевых действий в зимних условиях.

2 октября, за два дня до намеченного общего наступления, 3-я танковая группа под командованием генерала Гота наносит удар по 18 и 30 армиям на стыке Западного и Брянского фронтов и прорывает фронт. Войска Гудериана пошли на г. Орел и 3 октября вошли в город. «Брянский фронт оказался рассеченным», — отметил Г. К. Жуков. (Маршал Жуков. Воспоминания,

т. 2. С. 216) 6 октября 17-я танковая дивизия вошла в г. Брянск. На следующий день силы 4-й танковой армии захватили Вязьму. По данным верховного командования вермахта, имеющимся в Центральном архиве министерства обороны России и введенным в научный оборот молодым исследователем Н. Пархитко, за три недели в октябре 1941 года на московском направлении попали в плен более 660 тысяч солдат и офицеров Красной армии, а общие потери достигли миллиона человек. Агрессор захватил у окруженных в районе Брянска и Вязьмы советских войск почти 1250 танков, более 5 тысяч орудий²³.

Почти одновременно 4-я танковая группа под командованием генерала Гепнера наносит удар в полосе обороны 43-й армии, а затем по войскам 33-й армии Резервного фронта²⁴. Тем временем, 2-я танковая армия вклинилась на 120 километров в полосу обороны Брянского фронта. Бои шли и к северо-востоку от Орла. Генерал Гудериан вспоминал о действиях русских: «В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших (немецких) танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех»²⁵. В сложившейся ситуации Гудериан не смог взять Тулу.

К этому следует добавить, что еще в середине июля впервые получили эффективное боевое применение ракетные установки, получившие в войсках название «Катюша». Маршал Тимошенко сообщил об этом историческом эпизоде — огневом ударе батареи капитана И. А. Флерова лично И. В. Сталину: «20 армия т. Курочкина, сдерживая атаки до 7 дивизий противника, нанесла поражение двум немецким дивизиям, особенно вновь прибывшей на фронт 5-й пехотной дивизии, наступавшей на Рудня и к востоку. Особенно эффективное и успешное действие в разгроме 5-й пехотной дивизии оказала батарея РС, которая тремя залпами по сосредоточенному в Рудне противнику нанесла ему такие потери, что он целый день вывозил раненых и подбирал убитых, остановив наступление на целый день»²⁶. Правда, до массированного применения этого эффективного вооружения потребовалось еще довольно много времени. Очевидно, были введены в действие экспериментальные образцы.

В октябре агрессор по плану под кодовым названием «Тайфун» создал непосредственную угрозу Москве. Германское командование сосредоточило на направлении «Центр» под командованием фельдмаршала фон Бока войска численностью 1,8 млн человек. В общей сложности они составляли 57 дивизий. Командование сухопутных сил группы армий дает 12 октября указание о «порядке захвата Москвы и обращении с ее населением». Документ начинался словами: «Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет

предложена противником». Достаточным «моральным обоснованием» германские генералы считали объявленную решимость советских людей сражаться с врагом до последней капли крови. Фюрер опасался, что коварные большевики заминируют город, что возможна эпидемия. Поэтому в отношении Москвы гитлеровский план предусматривал окружение и блокаду города, затопление города и уничтожение жителей. Для этого «следует как можно скорее отрезать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром»²⁷.

«Наступление немецких войск по плану операции под кодовым названием „Тайфун“ началось 30 сентября ударом танковой группы Гудериана и 2-й немецкой армии по войскам Брянского фронта на участке Жуковка — Шостка», — записал маршал Г. К. Жуков²⁸. Верховный главнокомандующий И. В. Сталин реагировал немедленно на изменение стратегической ситуации. По указанию Ставки создан 1-й гвардейский корпус под командованием Д. Д. Лелюшенко с целью задержать наступление немцев и обеспечить отвод войск Брянского фронта. (Маршал Жуков. Воспоминания, т. 2. С. 216) Однако 3 октября немецкие танки вошли в г. Орел, глубоко вклинившись в территорию нашей страны. По свидетельству лиц из ближайшего окружения верховного главнокомандующего, этот факт сильно взволновал И. В. Сталина. По телефону он гневно отчитал И. С. Коневу. Он приказывает докладывать об обстановке каждые два часа, а если надо, то чаще... В одном из телефонных разговоров прозвучала фраза: «Надо с ума сойти, чтобы проворонить... Шляпа!»²⁹

Всё внимание Кремля — Западному фронту. 5 октября И. В. Сталин по прямому проводу вызывает командующего Ленинградским фронтом Г. К. Жукова в Москву, «чтобы посоветоваться». Из-за некоторых обстоятельств в районе Петергофа Г. К. Жуков не мог вылететь в Москву на следующий день и с разрешения И. В. Сталина отложил вылет в Москву на один день. Вечером 6 октября И. В. Сталин вновь позвонил Г. К. Жукову, чтобы спросить: «Что нового в действиях противника?» Ответ Г. К. Жукова точно отразил изменение обстановки: «Немцы ослабили натиск. По данным пленных, их войска в сентябрьских боях понесли тяжелые потери и переходят под Ленинградом к обороне. Сейчас противник ведет артиллерийский огонь по городу и бомбит его с воздуха. Нашей авиационной разведкой установлено большое движение моторизованных и танковых колонн противника из района Ленинграда на юг. Видимо, их перебрасывают на московское направление»³⁰. По прибытии в Москву Г. К. Жуков был тотчас принят И. В. Сталиным на его квартире. «И. В. Сталин был простужен, плохо выглядел и встретил меня сухо», — отметил генерал армии. Указав на топографической карте на район Вязьмы, он сказал: «Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка». Верховный главнокомандующий поручил Г. К. Жукову отправиться в штаб

Западного фронта, чтобы разобраться в обстановке и позвонить оттуда «в любое время». После короткого разговора с начальником генштаба Б. М. Шапошниковым генерал на автомобиле отправился на фронт. Поздно ночью он прибыл на место назначения, где застал штаб фронта за работой в полном составе: И. С. Конев, В. Д. Соколовский, Н. А. Булганин и другие.

10 октября пополудни И. В. Сталин по телефону сообщил Г. К. Жукову, что решил освободить И. С. Коневу от командования Западным фронтом, отдав под суд за катастрофу. За И. Коневу вступился Г. Жуков. Тотчас был отдан приказ о назначении Г. К. Жукова командующим Западным фронтом, а И. С. Коневу его заместителем. Одновременно Резервный фронт был объединен с Западным фронтом, штаб которого переместился в Алабино, а военный совет фронта в Можайск. На Можайскую линию обороны стали перемещать войска из резерва и с других фронтов. К середине октября были подтянуты 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, до 40 артиллерийских полков, общей численностью личного состава около 90 тысяч человек. Но этого было не достаточно для создания сплошной линии обороны³¹.

На подступах к Москве германскому вторжению противостояли армии Западного фронта под командованием генерал-полковника И. С. Коневу, Брянского фронта во главе с генерал-полковником А. И. Еременко, войска резервной оперативной группы А. Н. Ермакова, а также Резервного фронта во главе с маршалом С. М. Буденным. Общая протяженность трех фронтов составляла примерно 800 километров, а общая численность войск — 1 млн 250 тысяч человек. Преимущество в соотношении сил в тот момент было на стороне противника примерно в полтора–два раза.

В октябре 1941 года Москва оказалась в критическом положении. Германские войска продвинулись к западу и северу от Москвы до деревни Крюково, (41 километр Ленинградского шоссе), до г. Калинина (Твери) и до Дмитрова, до канала к р. Москве, на юго-востоке до Подольска, на юго-западе до Наро-Фоминска. Ближе всего к городу оказались отдельные подразделения вермахта в районе Фили. Немецкие офицеры бахвалились тем, что они в бинокль видели Красную площадь. Нацисты планировали парад своих войск у стен Кремля.

Однако из-за осенней распутицы дальнейшее германское наступление оказалось проблематичным. Германское командование, а вслед за ним и западные историки ссылаются на то, что немецкая техника сначала увязла в грязи, а потом отказала из-за мороза. Подвоз боеприпасов и продовольствия, очевидно, был затруднен из-за нарушений и разрушений на транспортных коммуникациях: на дорогах застряли до 2000 транспортных средств. Западные авторы приводят примеры, когда 16 лошадей не могли вытаскивать из трясины гаубицу или когда артиллерия не

имела смазки для подвижных частей орудий. Ощутимой стала нехватка горючего для самолетов и т. п. Сэмюел Митчем в книге, выпущенной на английском языке в 1990 году, написал: «Бок, находившийся тогда примерно в 70 милях от Москвы, был вынужден 30 октября приостановить наступление и дожидаться морозов, пока почва не промерзнет настолько, чтобы можно было подвезти продовольствие и боеприпасы»³². И. В. Сталин, взвешивая факторы войны и делая ставку на сибирские дивизии, учитывал и климатический фактор, скорее как позитивный для обороны фактор. Так в беседе с польским генералом Андерсом, явно желая склонить его к союзническому взаимодействию в трудный момент, как бы вскользь упомянул привычную для восточных славян зимнюю погоду.

В тот момент нацистские стратеги обратились к своему фюреру с предложением приостановить продвижение вглубь территории Советского Союза: «Лееб и Рундштедт настаивали на том, чтобы отменить наступление, и Гитлер, судя по всему, склонялся к тому же мнению, не разделяя планов Бока, Последний, при поддержке Браухича и Гальдера, настаивал на том, чтобы возобновить наступление. Под их давлением Гитлер был вынужден отдать приказ о финальном наступлении, назначив его на 15 ноября»³³.

Критическим днем для москвичей было 16 октября, когда эвакуация мирных жителей не только по железной дороге, но и по шоссе стала очевидной. Из Москвы в Куйбышев (Самару) выехали правительственные учреждения. Изустная легенда повествует, что на Казанский вокзал выехал и лично И. В. Сталин. Он якобы долго ходил по перрону, выкуривая одну за другой папиросы. Все ожидали команды к отправлению эшелона, пока вождь не ушел с платформы и вернулся в Кремль, чтобы оставаться там до полной победы над врагом. Документальных подтверждений этого мне не доводилось видеть, Однако в каждой легенде есть доля правды. А она состоит в том, что И. В. Сталин в течение всей войны оставался в Москве или в пригороде «на даче» в Филях.

В ноябре 1941 года на Западном фронте нарастала напряженность. В этой тревожной обстановке большое политическое значение имело проведение вечером 6 ноября торжественного заседания с участием И. В. Сталина на станции метрополитена «Маяковская». Уезжая после собрания, И. Сталин пригласил некоторых участников заседания прийти утром рано на Красную площадь, чтобы приветствовать участников военного парада. Проведение парада уходящих на фронт войск на Красной площади в Москве имело огромное значение для укрепления морального духа фронтовиков.

Газета «Правда», вышедшая на следующий день с фотографиями и текстом речи И. В. Сталина, стала действительно историческим документом. Попытки отбросить противника или хотя бы прорваться из окружения не приводили в решающему успеху. Более того, противнику удалось закрепиться на флангах

к востоку и западу от столицы, заняв Клин и подойдя к каналу у Яхромы. 1 декабря немецкие войска неожиданно прорвались в центре фронта и направились к Кубинке, а танковые части противника пошли на Голицыно. В итоге этой операции противник оставил на поле боя 10 тысяч трупов и 50 подбитых танков. «Это была последняя попытка немецких войск прорваться к столице. В первых числах декабря по характеру действий и силе ударов всех группировок немецких войск чувствовалось, что противник выдыхается и для ведения наступательных действий уже не имеет ни сил, ни средств»³⁴. Потери немецких войск за 20 дней в конце ноября превысили 150 тысяч человек и около 800 танков.

Еще в начале ноября Главнокомандующий дал указание Г. К. Жукову начать подготовку контрудара по германским войскам, обложившим город полукругом от г. Калинина до подступов к г. Тула. 10 ноября И. Сталин вызвал Г. К. Жукова вместе с командиром корпуса генералом И. А. Беловым в Кремль, где встретил их в подземном помещении. Выслушав доклад генерала армии, И. Сталин выразил свое одобрение и обещал подкрепление кавалерийским корпусом и танковой дивизией.

Тем временем германское командование готовилось к решающему сражению с целью захвата Москвы до наступления настоящей зимы. В середине ноября в штаб группы армий «Центр» в г. Орша прибыл начальник генерального штаба Ф. Гальдер. Туда же были вызваны начальники штабов группировок «Север» и «Юг», которые довольно сдержанно доложили, что без пополнения сил на их направлениях дальнейшее продвижение невозможно. Генерал Ф. Гальдер, имевший в папке одобренную в Берлине директиву, предоставил слово начальнику штаба группы армий «Центр» генералу Грейфенбергу, который бодро заявил: «Фельдмаршал Бок считает, что в военном и психологическом отношении необходимо взять Москву. Опасность, что мы этого не сможем сделать, должна быть принята во внимание, но будет еще хуже, если мы останемся лежать в снегу на открытой местности в пятидесяти километрах от манящей цели»³⁵. В итоге этого совещания германским генералам стало ясно, что поставлена цель — взять Москву, что стратегическая цель — продвижение до линии Вологда — Горький — Саратов — Сталинград — Майкоп, если не отменяется, то отодвигается. После совещания Ф. Гальдер ознакомил командующего группой армий «Центр» Ф. Бока с приказом фюрера, согласно которому танковая армия Гудериана захватывает г. Тулу и наносит удар на юго-востоке от Москвы в направлении на Коломну с целью двигаться на г. Горький (Нижний Новгород). Одновременно армия Штрауса и группа Рейнхардта развертывают наступление на северо-западе: от Торжка и Калинина в восточном направлении с целью перерезать канал Москва — Волга и нанести удар по Москве с северо-востока. В центре Западного фронта фронтальное наступление должна

была развернуть 4-я армия под командованием Клюге и танковая армия под командованием Гепнера. Дату перехода в наступление должен был определить сам Ф. Бок. Таким образом, германский план захвата Москвы имел вполне определенные очертания.

Однако план Г. К. Жукова был не менее конкретен, но более реалистичен. Он строился на верной оценке сил противника (противник «выдохся») и на расчете Ставки подтянуть к обороне Москвы «сибирские» дивизии. Риск от переброски дальневосточных дивизий на запад был, конечно, велик, но смертельная опасность, нависшая не только над столицей, но и над страной, была неизмеримо большей. Определенное значение имело для принятия решения и сообщение из Токио легендарного разведчика Рихарда Зорге относительно стратегических намерений японского правительства. В критический для Советского государства момент Япония предпочла воздержаться от нападения на Россию и таким образом от поддержки своего идеологического союзника в Европе. Очевидно, японские стратеги лучше знали, что такое русская зима.

В отечественной публицистике в последние годы еще встречается утверждение, что контрнаступление советских войск произошло чуть ли не спонтанно без тщательной подготовки. Такое утверждение не имеет никаких оснований. В серьезных научных исследованиях показано на основе изучения всей совокупности документов того времени, что контрнаступление под Москвой было подготовлено как концентрацией стратегических резервов, людской силы и техники, так и разработкой реального плана боевых действий. Задача была поставлена Ставкой перед командованием Западного фронта — переход от обороны к контрнаступлению еще в начале ноября. Г. К. Жуков, естественно, ставил вопрос о дополнительных подкреплениях. Так 29 ноября он попросил передать в состав Западного фронта 1-ю ударную армию, подчиненную непосредственно Ставке, а также 10-ю армию, расположенную под Рязанью. И. Сталин ответил, что должен посоветоваться с генштабом. Уже вечером того дня Г. К. Жуков был вызван к телефону. Генштаб сообщил, что в распоряжение командующего Западным фронтом передаются запрошенные соединения и, кроме того, соединения Московской зоны обороны, объединенные в 20-ю армию. Начальник генштаба Б. Шапошников сказал в заключение разговора: «Верховный просил вас прислать план операции по разгрому немецких войск под Москвой».

На другой день так называемая план-карта с пояснительной запиской поступила в генеральный штаб. И. В. Сталин написал в верхнем правом углу документа: Согласен. Там же поставлена дата: 1 декабря. План Г. Жукова наметил следующие действия: — Удар в направлении г. Клин и Солнечногорск и в истринском направлении с целью разгрома основной группировки противника на правом фланге.

- Удар по пунктам Узловая и Богородник во фланг и тыл группы Гудериана с целью разгрома противника на левом крыле.
- В центре фронта намечено наступление армий, однако с ограниченными задачами³⁶.

Первый удар был нанесен противнику 5 декабря на Калининском фронте, которым командовал И. С. Конев. На следующий день после мощной артиллерийской и авиационной подготовки начали боевые действия войска Западного фронта, затем начала наступление ударная армия Юго-Западного фронта. Ценным источником информации о том, как оценивало обстановку германское командование, является «Дневник» Ф. Бока, командующего группой армий «Центр». Еще 2 декабря он записал: «2-я армия (Гудериан) перешла в наступление и на первом этапе добивается внушительных успехов. Наступающие войска довольно слабы, ради наступления пришлось довольствоваться слабыми силами как восточного, так и северного флангов. Одна из дивизий 20-го корпуса 4-й армии (Клюге) сумела глубоко вклиниться в оборону врага южнее автострады, однако не сможет там удержаться — во время своего наступления тыловые части упомянутой дивизии были окружены неприятелем и вызволить их удастся не раньше завтрашнего утра»³⁷. На следующий день Клюге ставит в известность командующего, что отдал приказ отвести наступающие части у Троицкого. В тот же день в дневнике появляется лаконичная запись: «У южного крыла 3-й танковой группы (Рейнгардт) под Дмитровом и Яхромой неприятель, подтянув подкрепление, переходит в наступление». (Фон Бок. Дневники 1939–1945. Смоленск, 2006. С. 388) Командующий 4-й танковой группы Гепнер настойчиво просит поддержки. В записях Федора фон Бока появляется мотив: войска не могут наступать. А после 6-го декабря появляется понятие кризис. 7 декабря Ф. Бок доложил командующему германскими войсками Браухичу, что русские развернули наступление на нескольких участках фронта: против танковой группы Гудериана под Тулой, против группы Рейнхарда у Клина и против армии Штрауса в районе Калинина. Самое главное в донесении Бока, что он не в состоянии сдержать крупное наступление советских войск. Бок просит разрешения Берлина перейти к обороне. Однако Гитлер отдает распоряжения непосредственно командующим группами армий: держаться на занятых рубежах.

Начальник генерального штаба, находясь в Берлине, конечно, хорошо представлял себе масштабы предстоявшей катастрофы. 7 декабря он написал в своем дневнике: «События этого дня опять ужасающи и постыдны. Главком превратился в простого письмоносца. Фюрер, не замечая его, сам сносится с командующими группами армий. Самым ужасным является то, что ОКВ не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того, чтобы принимать стратегические решения. Одним из реше-

ний такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий „Центр“ на рубеж Руза, Осташков»³⁸.

Однако по настоянию Браухича и Гальдера 8 декабря Гитлер разрешил издать директиву под номером 39 о переходе к обороне на всем восточном фронте. «Директива ОКВ № 39» в первом абзаце введения сообщает командующим группами армий на восточном фронте версию перехода к обороне: «Преждевременное наступление холодной зимы на восточном фронте и возникшие в связи с этим затруднения в подвозе снабжения вынуждают немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне»³⁹.

В этом документе впервые появилась ссылка на «преждевременное наступление холодной зимы» как на причину прекращения наступления и перехода к обороне. Здесь берет начало миф о «генерале Мороз», используемый до сих пор фальсификаторами истории. Что касается «холодной зимы» на восточном фронте в начале декабря, то, очевидно, версия возникла в штабе фельдмаршала Ф. Бока, а затем в Берлине. Запись Ф. Бока от 4 декабря завершается лапидарно кратко фразой: «Жестокий мороз». Находясь в Берлине, генерал Гальдер записал в своем дневнике 5 декабря: «Мороз 36 градусов ниже нуля. Намеченное наступление 3-й и 4-й танковых групп должно бы быть отменено. Противник прорвал наш фронт восточнее Калинина». В Дневнике Ф. Бока запись 6 декабря имеет явно оправдательный смысл: «Поскольку из-за исключительно низкой температуры — минус 38 градусов — танковые двигатели повсеместно отказывают, приходится оставлять часть машин и орудий». (Бок Ф. Цит. соч., С. 390) Правда, днем позже немецкий генерал признает, что русские танки при такой же температуре заводятся. Чуть позже германские генералы, увидев в бою советские танки Т-34, вынуждены будут признать превосходство этой модели. Однако в битве под Москвой таких новых танков много не было.

Ни одна метеостанция Москвы и Подмосковья не зафиксировала такого мороза в те дни и позже. Максимум, отмеченный станцией под Наро-Фоминском (полюсом холода в Подмосковье), в ночное время не превышал 28 градусов. Кроме того, следует учитывать, что мороз действует на всю живую силу и на технику не выборочно, а одинаково. Ветераны войны — участники обороны Москвы, да и ополченцы вспоминают, что они находились в окопах и землянках, сменяя друг друга, круглые сутки в течение нескольких недель, Правда, спасали овчинные полушубки и шапки-шанки, да валенки. А это уже вопрос, относящийся к сфере предусмотрительности командования. Главным фактором разгрома германской армии под Москвой была, конечно, боеспособность Советской армии и эффективные действия командования. Об этом свидетельствуют документы и германской стороны, в том числе такие краткие как запись Ф. Гальдера, сделанная 5 декабря: «Гудериан

решился на отвод войск от Тулы». Очевидна причина такой решимости танкового барона: нет сил удержать позиции под напором русских. В «Дневнике» Ф Гальдера сделаны и такие записи:

5 декабря: «Фон Бок сообщает: Силы иссякли. 4-я танковая группа завтра уже не сможет наступать»

6 декабря: «По шоссе Дмитров — Москва сильное движение. Продолжается эвакуация из Москвы».

7 декабря: «Группа армий «Центр». Отвод 10-й моторизованной армии у Михайлова (армия Гудериана) по всей вероятности будет иметь очень неприятные последствия».

Все верно. Однако еще не видно осознания того, что это начало конца быстротечной, молниеносной войны. Начальник штаба спокойно фиксирует факт: «Противник совершил прорыв с севера на Клин. В районе восточнее Калинина противник также на ряде участков вклинился в наш фронт, но эти вклинения нам удалось локализовать»⁴⁰.

Все идет по плану Жукова, хотя и не так быстро, как хотелось бы советскому командованию. Первым из германских генералов задумался над причинами «кризиса», естественно, командующий группой армий «Центр» Федор фон Бок. Фельдмаршал в своем Дневнике под 7 декабря выделил текст под названием: «Причины тяжелого кризиса» (Бок Ф. Цит. соч., с. 392–394)

В своем дневнике он записал 7 декабря: «Тяжелый день. Правый фланг 3-й танковой группы ночью начал отвод своих сил. Весьма досаждают прорывы противника на северном фланге танковой группы. На правом фланге 9-й армии враг сумел существенно расширить зону прорыва»⁴¹. Что касается причин кризиса, то фельдмаршал видел их прежде всего в «осенней распутице», а также в «хаосе на железных дорогах». Лишь на 3-е место ставил силу сопротивления советских войск: «Недооценка боеспособности неприятеля и его материальных и людских резервов». (Бок Ф. Цит. соч., С. 392) Эта причина относилась, естественно, к компетенции верховного командования, которое не дало во — время подкрепления.

Германский стратег ссылался не только на эффективность действий русских по разрушению коммуникаций и построек на оставляемых территориях (протяженность коммуникаций превышает 1500 километров), но и на умелое маневрирование советского командования на этом огромном пространстве: «За поразительно короткий срок русские сумели поставить на ноги свои разгромленные дивизии, перебросить на угрожаемые участки фронта новые из Сибири, Ирана и Кавказа и воссоздать утраченные во время отступления артиллерийские орудия и реактивные установки. Сегодня перед фронтом группы армий насчитывается уже на 24 дивизии больше, чем 15 ноября». Силы германских войск в результате ожесточенного сопротивления русских и «жесточких зимних холодов», по оценке германской стороны,

сократились вдвое. «Потери командного состава в среднем и нижнем звене чудовищно высоки, и на сегодняшний день компенсировать их куда сложнее, чем потери среди рядового состава»⁴².

Началом наступательной операции под Москвой принято считать 5 и 6 декабря 1941 года. В немецких источниках отмечены «попытки» советских войск перейти в контрнаступление, датированные 4 декабря. (Бок Ф. Цит. соч., 6 дек) Это не означает, что на фронтах до того было полное затишье. Серьезные бои происходили на разных участках фронта. На Южном направлении 28 ноября войскам под командованием Тимошенко был отдан приказ освободить г. Ростов. Задание было выполнено в кратчайший срок. Армия генерала Клейста отступила, что вызвало у Гитлера приступ ярости.

Особенно опасными были атаки германских танковых групп под Москвой. В историю обороны Москвы вписаны эпизоды самоотверженной борьбы советских воинов против танков не только Гудериана, но и Гепнера. Бессмертный подвиг совершили воины дивизии генерала Панфилова в районе разъезда Дубосеково 16 ноября. Именно здесь родилась крылатая фраза, ставшая боевым лозунгом. Обращаясь к воинам, политрук роты В. Клочков сказал: «Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва!»⁴³. Попытка некоторых публицистов нынче принизить значение подвига панфиловцев выглядят кощунственно. Разумеется, отдельные бои и эпизоды не предопределяли исход грандиозного сражения. В сражении участвовали миллионы солдат и офицеров. Массовый героизм и стойкость воинов и умелое руководство гигантской армией были главным фактором победы в битве за Москву.

Изустная легенда, зафиксированная в военных воспоминаниях, повествует о том, что Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин в те дни особенно часто, по крайней мере дважды в день, лично звонил по телефону генералу армии, командующему Западным фронтом Г. К. Жукову, чтобы убедиться в том, что войска твердо стоят на позициях. Предполагают, что И. В. Сталин не выпускал из рук записную книжечку, в которой фиксировал прибытие свежих дивизий к полуокруженной Москве. Накануне контрнаступления он спросил Г. К. Жукова, имеется ли возможность отбросить противника на несколько километров, скажем, километров на пять–восемь. Ответ Г. К. Жукова был по военному кратким. Он воспринял вопрос, как указание действовать.

Контрнаступление советских войск началось на Калининском участке фронта 6 декабря. Было бы наивным представлять дело так, что с возгласом «Ура!» солдаты пошли в атаку и гнали врага до его логова. Бои под Москвой в декабре–январе были упорными и долгими. На участке фронта в районе Дмитрова советские войска пошли в наступление 11–13 декабря. В результате ожесточенных боев советским войскам удалось освободить 13 декабря г. Клин, а 16 декабря

г. Калинин. Лишь 30 декабря удалось освободить Калугу. В течение января удалось преодолеть выступ германского фронта между Калининским и Клином и отбросить противника от Волги. К 30 января 1942 года был выровнен в известном смысле фронт от Верхней Волги до реки Москва. Еще два месяца, до самой весенней распутицы, продолжались бои в сложных условиях зимы на подступах к Москве.

Какое влияние на ход военных действий под Москвой оказали события на западе? Собственно серьезных событий на Западе Европы со времени вероломного нападения Германии на Советский Союз не произошло, да и материальной помощи не поступило. Правда, германская разведка отметила несколько британских танков в советских танковых частях. Вероятно, это были танки, переброшенные из Ирана, где находились советские и британские вооруженные силы.

Как только в Лондон пришла весть о начале наступления советских войск под Москвой, в британских правящих кругах появилось желание узнать об этом побольше на месте событий. В Москву по поручению премьер-министра Уинстона Черчилля прибыл министр иностранных дел, глава разведывательной службы Британии Антони Иден. Его сокровенным желанием было увидеть своими глазами хотя бы одного убитого немца. И. В. Сталин распорядился, чтобы визитера сопровождал в поездке к линии фронта не дипломат, а один из высших офицеров. Выбор пал на генерал-лейтенанта П. А. Ермолина. Позже генерал П. А. Ермолин рассказал, как И. В. Сталин напутствовал своего подчиненного: «Надо показать англичанам результаты разгрома немцев под Москвой. Будете сопровождать Идена в поездке до Волоколамска. Но помните: он не только министр иностранных дел, но и руководитель английской секретной службы. В беседах с ним будьте крайне осторожны. Больше смотрите на выражение его лица»⁴⁴. Замысел И. В. Сталина был прост: выполнить психологический эксперимент, чтобы склонить англичан к серьезным переговорам о союзном договоре.

По просьбе гостя его повезли под охраной на нескольких машинах к линии Калининского фронта по Волоколамскому шоссе. Близ г. Клин вдоль дороги ему предстала невиданная в Европе картина разбитой германской техники и застывшие трупы немцев. Ничего подобного в Западной Европе видеть не приходилось. Тем не менее, на предложение заключить наконец союзный договор, откликнуться на призыв И. В. Сталина от 18 июля 1941 года открыть второй фронт в Европе министр реагировал сдержанно. Великобритания не хотела признать довоенные границы Советского Союза из-за присоединения к нему прибалтийских республик. Британский премьер У. Черчилль собирался с силами, чтобы вести войну с Германией вплоть до ... последнего русского солдата. В США в тот момент еще преобладала точка зрения, которую тогдашний сенатор Г. Трумен выразил ци-

нично: пусть русские и немцы как можно больше убивают друг друга.

Во время поездки А. Иден задал генералу вопрос: каковы потери немцев? Генерал, что называется, не моргнув глазом, ответил: «около пятисот тысяч». Если генерал имел в виду потери германских войск непосредственно под Москвой, то это была завышенная цифра. А если он имел в виду общие потери с начала войны, то это была заниженная цифра. Впрочем, общие потери германской армии к этому моменту он мог и не знать, точнее: не мог знать. Генерал сделал тонкое наблюдение о реакции англичанина: «Рот его приоткрылся, подбородок опустился вниз». Иначе говоря: англичанин разинул рот. После доклада П. А. Ермолина И. В. Сталин «с удовлетворением в голосе» сказал: «Теперь англичане на переговорах с нами будут более сговорчивыми». Однако на деле, хотя до сговорчивости англичан было еще далеко, поворот не только на фронте, но и в сознании европейцев должен был произойти перелом: «непобедимый» нацистский вермахт потерпел первое серьезное поражение.

Иначе складывалась обстановка на Дальнем Востоке, на Тихом океане. В США внимательно следили за действиями Японии в этом регионе, возлагая надежду на то, что она развернет свои военные силы на континенте против Китая и Советского Союза. Заместитель госсекретаря США С. Уэллес, естественно, хорошо зная положение Москвы в этот момент, заявил 1 декабря 1941 года публично: «Япония может напасть на Советский Союз в случае отвлечения им значительного числа своих войск с Дальнего Востока на Восточный (точнее: на Западный) фронт»⁴⁵. Советское командование перебросило к этому времени примерно половину дислоцированных на востоке страны дивизий, т. е. по калькуляции западных стратегов ситуация складывалась благоприятно для расчетов японских милитаристов. При решении о переброске дивизий с востока на запад советское правительство учитывало не только информацию разведчика Р. Зорге, но и донесение военного атташе и военного советника в Пекине, в котором четко отмечено: что все разговоры о подготовке Квантунской армии к наступлению ни на чем не основаны»⁴⁶.

Нападение Японии на флот США на о. Пирл Харбор 7 декабря 1941 года не оставило администрации США никакого выбора. Война на Тихом океане стала фактом. Еще осенью американская дипломатия из Москвы уведомила администрацию США лаконичным слогом: «Здесь преобладает безграничная воля к победе». В ноябре того же года правительство США приняло решение — распространить действие закона о ленд-лизе, т. е. о поставках военных материалов взаймы и в аренду, странам, ведущим войну против нацистской Германии. В тот момент это была декларация о намерении. Реальная помощь военными материалами и вооружениями до сражения за Москву в СССР не поступала.

Ну а как была воспринята в самой Германии весть о начавшемся контрнаступлении Красной армии под Москвой и о переходе германских войск к обороне? Нельзя сказать, что события на восточном фронте тотчас повергли немцев в шоковое состояние. После некоторого замешательства главный шеф пропаганды пресловутый Й. Геббельс решил ввергнуть обывателя в состояние шока, используя версию неожиданной суровой русской зимы, развернув кампанию по сбору теплых вещей для армии под лозунгом: «Сдавайте теплую одежду!» Признавая, что тыловая служба вермахта не обеспечила солдат зимней одеждой, Й. Геббельс 21 декабря, за день–два до рождества, призвал немцев создать «фронт» по спасению немецких солдат: «Но наш фронт в тылу поможет спасти своих отцов и сыновей от жестокой зимы. Если у вас дома есть какие-то теплые вещи, отправьте их на фронт»⁴⁷. Перечень вещей, которые помогут избежать катастрофы, вызвал в западной прессе, особенно в британской, можно сказать сардонический отклик. В списке вещей были названы не только шерстяные носки и свитеры, теплое белье и шапки, рукавицы, но и наушники и наколенники. Не были названы, но оказались в массе сданных вещей, а их общее число достигло 67 миллионов единиц, даже дамские шубы и дамское белье. Цель ярого нациста — повергнуть в шок немцев, чтобы избежать катастрофы, (именно это выражение было пущено в ход), была достигнута.

Разумеется, серьезнее поняли причины и следствия перехода к обороне германские военачальники. Германское командование понимало, что молниеносная война не состоялась, что предстоит долговременная «кампания» с неопределенным окончанием. Однако высшее политическое руководство не считало утраченной стратегическую инициативу, полагая, что перестановки в командном звене и перегруппировка еще имеющихся сил позволят сокрушить Советский Союз и договориться с западными державами о разделе жизненного пространства. Рейхсканцлер Адольф Гитлер легко возложил ответственность за провал «Плана Барбаросса» и операции «Тайфун» на неумелых исполнителей, прежде всего на фельдмаршала Федора фон Бока, начальника генштаба генерала Франца Гальдера, на командующего сухопутными силами Браухича, чтобы взять в свои руки безраздельно командование вермахтом.

Именно в результате поражения под Москвой в правящих кругах Германии появились признаки «прозрения» не только в военной среде, но и в высших сферах государства, особенно после объявления А. Гитлером войны Соединенным Штатам из-за нарушения ими статуса нейтралитета. Одним из первых мысль о целесообразности вступить в переговоры о мире высказал Гальдеру генерал Фромм.

Министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, отстраненный после нападения Германии на Советский Союз от восточной политики, пытал-

ся уговорить А. Гитлера дипломатическими методами умиротворить европейские страны, в том числе и оккупированные. Он поддержал версию А. Гитлера о «преждевременной зиме» как причине катастрофы под Москвой, но он же одним из первых в правящих кругах сделал вывод о необходимости искать пути к миру. В своих записках, опубликованных после его казни по приговору Нюрнбергского трибунала, мы находим такие строки: «После вызванной погодными условиями катастрофы зимой 1941–1942 г., в результате которой наша армия, как известно, застряла перед Москвой и весь Восточный фронт зашатался, я по случаю новогоднего поздравления на рубеже 1941–1942 гг. впервые заговорил с фюрером о возможности заключения мира с Россией. На это Гитлер ответил мне всего лишь, что такой мир он не считает возможным, на Востоке речь может идти только о несомненном решении хода войны в нашу пользу»⁴⁸.

Позже, осенью 1944 года, «разведенная» жена И. Риббентропа написала письмо фюреру с предложением поручить ей вступить в контакт с мадам Коллонтай в Стокгольме, чтобы получить контакт «для серьезного разговора с Россией о мире». А. Гитлер категорически отверг эту инициативу. Тем не менее, И. Риббентроп в январе 1945 года предложил Гитлеру поручить ему особую миссию: он готов вместе с семьей (в качестве заложника) полететь в Москву, чтобы убедить И. Сталина в «честности наших намерений». В ответ А. Гитлер твердо заявил, чтобы министр не уподоблялся Рудольфу Гессу, который, как известно, пытался выполнить миссию в Великобритании.

Иоахим фон Риббентроп, очевидно, считал себя умелым дипломатом, хотя на самом деле играл роль пособника сумасбродного диктатора. В ночь объявления войны, когда нацистские дивизии уже вторглись на территорию СССР, И. Риббентроп провозжал советских представителей до выхода, повторяя невнятно: «Передайте в Москве, что я был против...» Он явно считал себя способным договориться в Москве о мире даже в момент, когда Советская армия численностью более 10 миллионов развернула уже наступление на Берлин. Записки нацистского дипломата, тем не менее, представляют интерес для историков, желающих понять, как рождаются иллюзии дипломатов. Одно свидетельство такого рода представляет интерес, хотя может быть истолковано двояко.

После Сталинградской катастрофы А. Гитлер завел разговор с министром о роли И. Сталина как личности, как лидера нации. «Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941–1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным, — рассуждал А. Гитлер. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердостью этого человека, несгибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отноше-

нии. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной армии — грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, историческая личность совершенно огромного масштаба⁴⁹. Обмен оценками не состоялся. Однако сталинская оценка личности фюрера могла быть доведена до него еще в годы войны. Имея в виду склонность А. Гитлера ставить себя в один ряд с Наполеоном, И. В. Сталин однажды сказал: Гитлер так же похож на Наполеона, как котенок на льва.

Из всех оценок личности А. Гитлера следует признать самой точной записанную Вальтером Шеленбергом: «Одной из характерных черт Гитлера была мания расового неравенства. Составной частью теории превосходства германской расы была ненависть Гитлера к евреям»⁵⁰. Начальник секретной службы нацистов свидетельствовал (он знал официальные заключения врачей-психиатров) о психической ненормальности фюрера. В архиве Гимmlера сохранились документы, свидетельствующие о патологических извращениях, в частности в отношении женщин: «Его вполне удовлетворяли экстазы власти в любых формах. Произнося свои речи, он впадал в такой экстаз и так дико корчился, что получал от этого полное удовлетворение». Ближайшее окружение фюрера, особенно врачи, знали об извращениях его и продолжали выполнять его приказы. (Там же. С. 60) Разумеется, немецкие генералы, в руках которых были судьбы сотен тысяч и миллионов своих сограждан не могли не понимать, что выполняют преступные приказы.

Агрессивный «План Барбаросса» и целый пакет приказов и распоряжений в развитие этого плана агрессии и уничтожения «неполноценных» народов составляли «нормальные» генералы, которые позже пытались возложить ответственность за неудачи и поражение в войне, но не за развязывание преступной войны, на фюрера. Возможно, первые сомнения в дееспособности и вменяемости фюрера появились после провала плана молниеносной войны. Однако гитлеровские генералы и высшие офицеры продолжали преступную «кампанию», стоившую миллионов жизней народам, включая и немецкий народ.

Если говорить серьезно и объективно о причинах поражения германского вермахта под Москвой и вместе с тем крушения плана молниеносной войны против СССР, то, конечно, на первый план следует поставить мощное организованное сопротивление Советской армии, всего народа вероломному вторжению агрессоров-нацистской Германии и ее союзников: Италии, Румынии, Венгрии, Испании и Финляндии. Такие факторы как климатические обстоятельства («преждевременная» зима) или даже субъективные просчеты германских генералов в оценке военного и экономического потенциала Советского Союза,

включая сумасбродные установки фюрера, следует отодвинуть на второй и даже третий план.

К сожалению, в то время Советский Союз не получил практически реальной военной и материальной поддержки, от потенциальных союзников, от Великобритании и США. Реальные переговоры о союзном договоре СССР с Великобританией и о соглашении СССР с США стали возможны лишь после завершения битвы за Москву: в мае–июне 1942г. Для полного разгрома агрессоров потребовалось еще три гола. Нацистская Германия потерпела первое поражение. Однако еще не утратила стратегической инициативы и способности сосредоточить силы для летнего наступления на Южном направлении с целью прорыва к Волге и даже к Кавказу. Во многих странах мира, особенно в Великобритании и США, не говоря об оккупированных странах, поражение германской армии под Москвой было воспринято тогда же как провал германского плана молниеносной войны. как знак надежды на полный разгром агрессора. Пресловутый мэр Москвы Г. Х. Попов, выступая в роли историка-ревизиониста (читай: фальсификатора), выпустил в Москве в 2005 году книгу «Три войны Сталина», в которой попытался развенчать стратегию советских полководцев с позиций обывателя-злопыхателя в стиле перебежчика Резуна. Тщетные потуги. Грубой фальсификацией истории выглядит в этой связи утверждение пресловутого «историка» (на деле изменника родины) В. Резуна, который в книге «Тень победы», вышедшей на русском языке под псевдонимом В. Суворов, представил исход сражения за Москву как поражение, более того, как «позорный разгром» Красной Армии. Автор исследований полководческого искусства маршала Советского Союза Г. К. Жукова генерал армии М. А. Гареев показал в фундаментальном труде «Полководцы Победы и их военное наследие» абсолютную несостоятельность такого рода толкований, фактически искажений, фальсификации истории Второй мировой войны⁵¹.

В последние годы стало модным обсуждать масштабы безвозвратных потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне. При этом ответственность за гибель миллионов граждан страны часто возлагается не на агрессора, а на «неумелое» руководство страны, игнорируется тот факт что значительная часть населения погибла на оккупированных территориях от голода (блокада Ленинграда), массовых расстрелов (Бабий Яр под Киевом), голода и холода (по признанию фельдмаршала Ф. Паулюса в сталинградском котле) В числе безвозвратных потерь оказались попавшие в плен советские солдаты и офицеры. Из 5 млн военнопленных, по германским данным, два с половиной миллиона погибли от голода, болезней и истязаний в германской неволе.

Больших жертв стоила и оборона Москвы. Миллион участников обороны Москвы был отмечен медалью «За оборону Москвы». Однако значительными были безвозвратные потери вооруженных сил. Зна-

чительными были и потери техники и вооружений: 4171 танк, 21 478 орудий и минометов, 983 самолета⁵². На московском направлении вермахт потерял 615 000 солдат и офицеров.

Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Такой вывод сделал один поэт еще в средние века. В XX веке, веке техники и массовой информации, эта сентенция стала расхожим обобщением, которым пользуются публицисты, чаще всего игнорируя реальные исторические условия. В изображении событий Второй мировой войны этим грешат западные публицисты, которые высоко ставят германских стратегов, принижая стратегическое мышление советских военачальников. Между тем, в конце войны никто иной как Й. Геббельс вынужден был признать, русские генералы и маршалы превосходят германских, имея преимущество не только в возрасте (они были моложе германских лет на 10–15), но и в военном образовании (советские учились в академиях, в чем не были замечены немецкие). Даже рабоче-крестьянское социальное происхождение было признано достоинством русских в отличие аристократического, дворянского происхождения, питавшего национальное чванство. Нацистская идеология с ее доктриной расового превосходства дала отнюдь не позитивные плоды германской нации в цедом. Очевидно, что доктрина расового превосходства предопределяла и концепцию военного превосходства Германии над другими странами.

Начиная с поражения под Москвой генералы на фронте начали сомневаться в правильности оценки военного потенциала Советского Союза в генеральном штабе Германии. Перед нападением на СССР Гитлер игнорировал мнение посла В. Шуленбурга и военного атташе в Москве Э. Кёстринга и положился на впечатления, которые получил полковник Кребс, побывав на параде Красной Армии в Москве 1 мая 1941 года. Военная разведка имела достаточно много агентов, особенно в западных районах СССР. Однако правильно оценить военный и экономический потенциал страны накануне Второй мировой войны германский генштаб не сумел. Это относится и к первому этапу войны на восточном фронте в части, касающейся мобилизационной способности РККА. Недооценка боеспособности Красной Армии была одной из причин просчетов германского командования.

Фактор внезапности вторжения потерял свое значение в первые месяцы войны, встретив упорное сопротивление советских войск, которые продолжали сражаться, хотя масштабы потерь были огромными. Способность Советского государства мобилизовать армию и наладить производство вооружений оказались иными, нежели те представления, которые сложились в германских официальных органах. Западные историки объясняют победу Красной Армии тем, что И. В. Сталину удалось в короткий срок создать на московском направлении численное превосходство над противником. На самом деле к декабрю 1941 г.

превосходство сил было еще на стороне противника: группе армий «Центр» численностью 1,8 млн противостояли советские войска численностью 1 млн 100 тыс. Противник подтянул технику: 13,5 тыс. орудий, 1170 танков, 600 самолетов. Советские войска имели на фронте 7650 орудий, 770 танков, Правда, на советской стороне имелось еще 415 установок реактивной артиллерии и до 1000 самолетов на подмосковных аэродромах. Иной вопрос: германский тыл находился в более, чем 1000 километрах и не обеспечивал достаточно горючим и боеприпасами. Советские войска имели прочный тыл, хотя в условиях окружения не всюду можно было свободно подвозить необходимое для войск.

Германские стратеги ссылались не только на климатический, но и на геополитический фактор, на беспредельные российские просторы, которые поглотили военную силу рейха. Это получило отражение даже в подзаголовках книг некоторых германских военных, например, в титуле книги К. Рейнхардта: «Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/1942» В публичных дискуссиях, в том числе в немецких аудиториях, иногда приходится слышать и такой обывательский «аргумент»: коварный Сталин сознательно заманил вглубь России германские армии, чтобы в неблагоприятных для немцев условиях устроить «русскую баню». Фальсификаторы истории до сих пор используют ссылки и на несостоятельную стратегию А. Гитлера, и на русский мороз, и на необъятные просторы России, чтобы игнорировать решающий фактор поражения вермахта под Москвой: хорошо организованное сопротивление агрессору, самоотверженность солдат и офицеров Красной Армии (действительно рабоче-крестьянской армии), наконец, опыт ведения оборонительной войны, полученный военачальниками в первые месяцы войны.

Разгром десятков дивизий вермахта под Москвой имел резонанс во всем мире. Президент США Ф. Д. Рузвельт в послании И. В. Сталину 16 декабря 1941 г. сообщил, что в Америке наблюдается «всеобщий подлинный энтузиазм» по поводу успехов великой нации в войне против нацизма.

После войны некоторые германские генералы признали, что поворот в войне наметился именно под Москвой зимой 1941–42 года. Например, генерал Г. Блюментрит отметил в своих воспоминаниях: «Кампания в России, а особенно ее поворотный пункт — Московская битва, нанесла первый сильнейший удар как в политическом, так и в военном отношениях»⁵³.

Из итогов зимней кампании 1941–1942 гг. враждующие стороны сделали свои различные выводы, которые имели значение для дальнейшего хода войны. После битвы за Москву война вступила в качественно иной этап: в этап затяжной, долговременной борьбы, исход которой определялся такими стратегическими факторами как, материальные и людские ресурсы сторон, а также морально-политическим состоянием

страны, народа. Разумеется, имели значение военное мастерство командования противоборствующих сторон и адекватность оценок ими стратегической ситуации, соотношения сил. Правящие круги Германии, преданные фюреру, старались преуменьшить масштабы поражения вермахта под Москвой, полагая, что смена фельдмаршалов, командующих направлениями наступления на начальном этапе войны, обеспечит успех в последующих крупных операциях. Они исходили из убеждения, что стратегическая инициатива отнюдь не потеряна, что германская сторона обладает достаточными силами для сокрушения большевизма, завоевания России.

Используя промышленный и людской потенциал не только Германии и Австрии, но и союзных государств, а также оккупированных стран, беспощадно эксплуатируя труд миллионов военнопленных на тяжелых работах на предприятиях и в шахтах, нацистские бонзы рассчитывали на быстрое восполнение потерь вермахта, увеличение производства вооружений для армии. Германское командование имело в своем распоряжении более, чем четырехмиллионную армию, в составе которой еще имелись войска, участвовавшие в покорении западных стран и обеспечившие триумф фюрера в Западной Европе. Новые стратегические планы Германии, новые наступательные операции на восточном фронте имели целью захват территорий на южном фланге, прорыв к Волге и Кавказу. Замысел заключался в том, чтобы перерезать коммуникации противника и захватить нефтяные промыслы Кавказа, грозненскую и бакинскую нефть. Это означало бы лишение советских вооруженных сил поставок горючего для танков и самолетов. Правда, германский генштаб и на этом направлении рассчитывал на успех, исходя из сведений полученных на бумаге, на топографических картах и на рельефных ящиках. На южном направлении фактор пространства был не менее значительным, а главное стойкость и сопротивление советских войск здесь было не менее упорным, чем в битве под Москвой.

Первое крупное контрнаступление Красной Армии имело не только военное, но и морально-политическое значение. Победа вдохновила и фронтовиков и тружеников тыла на продолжение самоотверженной борьбы за освобождение страны от оккупантов. Однако не только рядовые граждане, но и верховное командование не могло знать в полном объеме замыслы и планы противника. Многие в окружении И. В. Сталина были уверены, что германское командование может вновь начать наступление с целью захвата Москвы. Говорят, что И. В. Сталин не исключал такую возможность и не спешил перебрасывать армии на другие направления. К лету 1942 г. еще не удалось восполнить потери в живой силе и в технике, понесенные на начальном этапе войны. Безвозвратные потери были огромными. Потери техники можно было восполнить усилиями тружеников тыла, но для этого требовалось время. Знатки говорят, что в пе-

риод войны на каждого фронтовика в тылу должны работать по крайней мере 7 человек.

Производство вооружений в городах за Волгой и за Уралом на предприятиях, которые успели вывезти, не могло быть налажено мгновенно, по мановению волшебной палочки. Для налаживания производства необходимы помещения и технологически подготовленные кадры. Спасением для страны стали созданные до войны промышленные центры: Свердловск (Екатеринбург) и Магнитогорск, Караганда и Кузнецкий бассейн, другие менее крупные города и села. Гитлеровцы рассчитывали, что они с оккупированных территорий смогут направить бомбардировщики для уничтожения промышленных объектов за Уралом. Однако, это оказалось нереально. В истории войны такие факты (бомбардировки глубокого тыла России) не зафиксированы.

Стратегические расчеты советского командования весной и летом 1942 года еще не были точными, хотя наступление на Сталинград, очевидно, не было полной неожиданностью. Одним из важных последствий победы Красной армии под Москвой было оформление союзных отношений Советского Союза с Великобританией и достижение соглашения с США, соглашения о принципах, применимых к совместной борьбе против Германии. Произошло это в итоге полета В. М. Молотова над Балтикой в Англию и в США в мае–июне 1942 г. В результате миссии Молотова появилась надежда на открытие второго фронта в Западной Европе. Однако западные союзники не торопились с высадкой большого десанта на континенте. Для подготовки такой операции им потребовалось два года. Мотив затягивания высадки был весьма неубедительным: сами разговоры о втором фронте уже полезны для Советского Союза. Однако гитлеровское командование строило свои стратегические планы без всякой оглядки на эту эвентуальность. Летом 1942 года германская армия начала наступление на Сталинград.

Главным фактором стратегической ситуации летом 1942 года было соотношение материальных технических средств на фронте. Вермахту удалось восполнить потери в технике. Советскому Союзу требовалось время для производства необходимого количества танков и самолетов, а главное артиллерийских орудий. Для коренного перелома в мировой войне требовалось не только время, но и вступление в силу факторов долговременной войны — борьбы «не на жизнь, а на смерть». Нашему народу предстояло сражения «не ради славы, ради жизни на земле».

Война глазами боевого офицера, прошедшего ее фронтовыми дорогами с первых недель до победного конца

Автор исследования «Полководцы Победы», видный военачальник и ученый, известен в нашей стране и за ее рубежами своими трудами по военной истории. Его монографии о полководческом мастерстве

М. В. Фрунзе и стратегическом искусстве Г. К. Жукова получили широкое признание. Книга «Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства» (М., 1996) удостоена государственной премии в 1998 г. Общественное признание получили его книги «Моя последняя война» (М., 1996) и «Афганская страда» (М., 1999). Новая книга — это научное обобщение огромного опыта военной стратегии, на основе которого сделаны актуальные выводы для настоящего и будущего. Монография ценна, прежде всего тем, что крупный военачальник, знающий, что такое война не из книг, а из личного боевого опыта офицера, прошедшего по дорогам Отечественной войны с первых ее недель до победного завершения ее на Дальнем Востоке, дает представление о масштабах Второй мировой войны, о гигантских и людских, и материальных усилиях нашей страны в войне против фашизма, о решающем вкладе СССР в разгром нацистского вермахта. Автор хорошо знает цену не только словам, но конкретным фактам и цифрам. Приведенные в книге документы, факты, цифры прошли через сознание профессионального военного, мыслящего категориями стратегических масштабов.

Американский историк Лэннинг написал книгу «Сто величайших полководцев мира всех времен», которая вышла в 1998 г. в переводе на русский язык под названием «Сто великих полководцев». Для таких книг российские издатели находят средства. В этом, казалось бы солидном специальном исследовании можно было ожидать объективные оценки. Однако в книге дан своего рода рейтинг-перечень выдающихся полководцев, который едва ли можно считать объективным. Среди ста выдающихся полководцев оказались 17 американцев, 12 англичан, 12 французов и только четыре русских (советских) военачальника: А. В. Суворов помещен под номером 50, а маршал Г. К. Жуков сдвинут на 70 место, причем отнюдь не по хронологическому принципу. В этом списке не нашлось места для М. И. Кутузова, изгнавшего Наполеона из России, но встречаются имена военных, отличившихся в колониальных войнах. В перечень включен ефрейтор первой мировой войны А. Гитлер, но не нашлось места для генералиссимуса И. В. Сталина, впрочем, как и для других руководителей стран-победителей — Ф. Д. Рузвельта, У. Черчилля и Ш. де Голля под предлогом, что они не были собственно военными, в том числе и генерал де Голль. Логика американского автора обусловлена, очевидно, какими то иными соображениями. Логика российских историков представляется более предпочтительной.

Выработать единый объективный критерий, действительно, не так просто. Однако еще не потеряв «общечеловеческий» здравый смысл. Российские военные историки объективно оценивают полководческое мастерство даже военачальников противника, скажем, германских фельдмаршалов. Правда и наши военные еще спорят относительно критериев оценки полководцев, не существует общего аршина для

измерения полководцев «всех времен»: и исторические условия и масштабы войн, да и материально-технические средства ведения войн даже в рамках XX века весьма различны, не говоря уже о предшествующих эпохах. Очевидно, рейтинги полководцев имеют смысл, если применяется единый критерий для каждой эпохи и для каждой конкретной войны.

Критически оценивая рейтинги полководцев, которые встречаются в сочинениях зарубежных авторов, особенно германских, английских, американских и французских, наш генерал дает свою шкалу оценки вклада полководцев в политику и теорию военного искусства. Всякие рейтинги весьма условны и субъективны, однако в данном случае исследователь дает, пожалуй, наиболее объективные оценки, не огульно критические, но и не апологетические.

Выделяя отдельную категорию руководителей государств, автор, естественно, ставит в один ряд И. В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта, У. Черчилля, И. Б. Тито и Ш. Де Голля. Это дает ему возможность предложить свою градацию полководцев Великой Отечественной войны — маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, Р. Я. Малиновского. Это не означает, что этим ограничивается исследователь. Он дает краткие, но емкие характеристики выдающихся военачальников, маршалов, которые командовали фронтами Отечественной войны, положив в основу последовательность марша сводных полков фронтов (с правого фланга к левому — с севера на юг) на Параде Победы 24 июня 1945 года: К. А. Мерецков, Л. А. Говоров, И. Х. Баграмян, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, А. И. Еременко, Р. Я. Малиновский, Ф. И. Толбухин. Конечно, в определении последовательности прохождения полков в 1945 году был субъективный момент — мнение верховного главнокомандующего.

За выдающиеся заслуги в Великой Отечественной войне орден Победы» получили дважды И. В. Сталин, Г. К. Жуков и А. М. Василевский, орденом «Победа» награждены также К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, А. И. Антонов, Л. А. Говоров, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин. Орден «Победа» следует признать не только критерием оценки, но и высшей оценкой заслуг полководцев в Великой Отечественной войне.

В книге дана характеристика и оценка вклада каждого полководца в Победу. Не оставлены без внимания и командующие видами вооруженных сил, общевойсковыми армиями. Словом, в книге сказано и доброе, и критическое слово о десятке полководцев, сотне военачальников.

Наиболее острой проблемой до сих пор остается оценка начального этапа Великой Отечественной войны, когда страна потеряла свою кадровую армию, а гитлеровские полчища за четыре месяца дошли до подступов к Москве. В книге дана критическая оценка «установки» И. В. Сталина накануне войны: нападения Германии на СССР в 1941 г. не будет.

Любые другие попытки «дополнить» пляду выдающихся полководцев задним числом выглядят просто нелепо. Как специалист по военной истории, М. А. Гареев анализирует ход и исход обороны Москвы и значение первого крупного поражения вермахта в этом сражении, Сталинградскую битву — коренной перелом в ходе не только Отечественной войны, но и всей мировой войны, окончательную утрату стратегической инициативы германским командованием после сражения на Курской дуге, а затем и стратегические операции 1944 года — все это получило весьма квалифицированное освещение.

Отношения между И. В. Сталиным и Г. К. Жуковым — особая тема великой эпопеи. Своеобразие мышления политических руководителей и военных остается проблемой не только теоретической, но и этической. Кроме неверной оценки намерений нацистской Германии в отношении Советского Союза в 1941 году серьезным просчетом И. В. Сталина были его представления о намерениях противника весной и летом 1942 г. И в своей книге М. А. Гареев вновь возвращается к проблеме стратегической «преднамеренной» (я бы сказал, заблаговременной) обороны, которая не потеряла своей актуальности и спустя десятилетия после большой войны.

В российской публицистике до сих пор наблюдается тенденция принизить значение победы советского народа в Великой Отечественной войне. При этом в качестве основного аргумента используется тезис о «цене победы» — о жертвах, принесенных на алтарь Победы. Таким образом, ответственность за жертвы войны как бы перекладывается с Гитлера на Сталина, с агрессора на организаторов обороны и сопротивления агрессору. Логика некоторых российских публицистов ведет к выводу, что надо было сдаваться без сопротивления, отказаться от обороны Москвы и Ленинграда, тем более Сталинграда и Кавказа, не предпринимать контрнаступления, поскольку оно имело следствием большие потери. Массовое уничтожение мирных жителей и пленных германскими оккупантами, не говоря уже о конечной цели оккупации — полное уничтожение населения европейской части Союза ССР и выселение за Урал не поддающихся онемечиванию, авторы таких сочинений почему-то умалчивают. Эти же публицисты полагают, что советской армии следовало остановиться на довоенной границе, отказаться от полного разгрома противника на территории стран Восточной Европы.

Освобождение Польши, Чехословакии, Австрии, штурм Кёнигсберга, Будапешта и Берлина, освобождение территории стран Восточной и Центральной Европы стоили, действительно, больших жертв. Они известны, но их пытаются предать забвению новые правители в этих странах. Значит ли это, что надо было воздержаться от полного разгрома германского вермахта? Там, где было возможно избежать военных действий, Советское правительство не вводило свои войска: в 1944 году перемирие было заключено

с Финляндией, Румынией, Болгарией, когда германские войска были вытеснены с территории этих стран.

За годы войны на советско-германском фронте было разгромлено более 500 дивизий противника, примерно три четверти вооруженных сил Германии: 10 млн убитыми, ранеными и пленными из 13,6 млн общих потерь за годы войны. На восточном фронте германские вооруженные силы потеряли большую часть военной техники: более 70 тысяч самолетов, около 50 тысяч танков и бронетехники, 167 тысяч артиллерийских орудий, 2,5 тыс. кораблей и вспомогательных судов. Ясно, что такую массу техники невозможно вывести из строя заклинаниями или «закидать шапками». Этой гигантской машине надо было противопоставить еще большую массу вооружений и техники, а главное умение воевать.

Ценность труда М. А. Гареева не только в том, что он дает взвешенные оценки исторического опыта, но и делает выводы для настоящего и будущего страны. Интересны наблюдения автора за превосходством советских военачальников над германскими: кроме преимущества по возрасту (советским маршалам к началу войны было до 45–50 лет, а германским под 60 и более), по образованию и боевому опыту. Кейтель на Нюрнбергском процессе признался: «Я никогда не учился в военной академии». Геббельс в конце войны записал в дневнике: «... Приходится прийти к неприятному убеждению, что военное руководство Советского Союза состоит из лучших, чем наше, классов... Народного они корня...» Перед войной в Советской армии было 1106 генералов и адмиралов (в германской армии 1500), в годы войны в нашей армии получили звание генерала 3700 человек, из них погибли 235. В целом М. А. Гареев высоко оценивает профессиональный уровень и германских военных, особенно в управлении войсками, штабной работе, планировании операций. Это и понятно: Советская армия выстояла в борьбе с действительно сильнейшей армией в Европе, да и в мире того времени. Очерк М. А. Гареева о роли штабов и генерального штаба особенно интересен и потому, что несколько лет он сам был заместителем начальника генштаба нашей армии.

Некоторые публицисты в последнее время ставят вопрос: а нужны ли генштабы в мирное время? Нужен ли генштаб России? На этот вопрос генерал армии дает однозначный ответ: «Мозг армии» необходим не только во время войны, но и особенно в мирное время». Более того, автор приводит слова Б. М. Шапошникова из книги «Мозг армии» о том, что даже смена начальника генштаба являет собой эру военной подготовки государства. Если генштаб приходится собирать по тревоге, то лучше его заранее разогнать.

Третья часть книги «Военное наследие полководцев Второй мировой войны и перспективы развития военного искусства» особенно поучительна и в теоретическом, и в практическом плане. Гене-

рал армии предупреждает общество, что было бы большой ошибкой (которую делают доморощенные «стратеги» типа А. Арбатова или В. Кокошина) ликвидировать западное стратегическое направление, исключить саму возможность возникновения для России крупномасштабной войны.

Ряд обобщений М. А. Гареева звучат как афоризмы:

«В народе издавна говорят: оборона и армия стоят столько, во сколько нация оценивает свой суверенитет».

«Бой для военного человека — экзамен, который неизвестно, когда будет, но к нему надо готовиться всю жизнь».

Интересна аргументированная интерпретация автором известного изречения германского военного теоретика начала XIX века — «Война — это продолжение политики иными (насильственными) средствами». В книге отвергается попытка ревизии этой сентенции современными публицистами: у политики де не может быть «продолжения» в наше время.

В числе актуальных выводов есть и такое обобщение: «Иногда говорят: пока есть ядерное оружие, безопасность России гарантирована. Но у СССР было ядерное оружие. Ядерное оружие осталось, а государства нет». Важно, в чьих руках это оружие, служит ли оно сдерживающим средством.

«Нужно ли сотрудничество с НАТО? Да, необходимо. Но нужно равноправное сотрудничество по формуле, партнерство во имя мира».

В книге делаются выводы из вооруженных конфликтов, точнее, войн в Югославии, Афганистане, Ираке — выводы трезвые, реалистические и актуальные. Специальные главы посвящены анализу войн будущего: локальных, региональных или крупномасштабных. Готова ли Россия к ответу на вызовы XXI века? — вопрос, ответ на который ищут военные и политики. Только обыватель остается безразличным. Ясного ответа на этот вопрос не хотят политиканствующие «общечеловеки и геростраты», которые за похлебку для себя готовы отдать чужеземцам недра своей страны.

Миф о превентивной войне и историческая правда

Уже в первое десятилетие после войны германские генералы, проигравшие вторую мировую войну, по меткому выражению Уинстона Черчилля взяли реванш в мемуарах и все свои неудачи, а тем более катастрофу свалили на сумасбродного фюрера, ефрейтора, отмеченного железным крестом по недоразумению. В нашей стране первое десятилетие после войны не было отмечено обилием публикаций, монографий или мемуаров о Великой Отечественной войне. Зато второе десятилетие после войны, прошедшее под знаком критики культа личности И. В. Сталина, а заодно и безосновательной критики Г. К. Жукова, знает несколько дискуссий и книг, в которых остро ставился

вопрос об ошибочной оценке ситуации 1941 года и о причинах отступления Красной армии вплоть до Москвы и Ленинграда. С середины 1960-х годов, когда тожественно было отмечено 20-летие Победы, появились в публицистике утверждения, а затем и книги, в которых давались завышенные оценки вклада отдельных политиков в Победу (Н. С. Хрущева или Л. И. Брежнева). Академическая наука в тот период вела большую исследовательскую работу и совместно с военными историками подготовила и выпустила многотомные исследования, в которых дана объективная картина и Второй мировой войны и Великой Отечественной войны⁵⁴. Огромную историческую ценность имеют (и сохраняют надолго) воспоминания советских военачальников, генералов и маршалов, которые смогли изложить свое видение причин неудач и успехов советского солдата в годы войны. Особую ценность, разумеется, имели воспоминания маршала Г. К. Жукова, которые были выпущены впервые издательством «Новости» в 1969 г. и выдержали до середины 1990-х годов более десяти изданий⁵⁵. Не десятки, а сотни исследователей провели огромную работу, используя целые пласты архивных источников и выпустили индивидуальные монографии и многотомные коллективные труды.

Нацистская Германия начала агрессивную войну против СССР в ночь с 21 на 22 июня 1941 г., выдвинув в качестве повода для агрессии совершенно несостоятельную ссылку на концентрацию советских войск на границе. Германский посол Ф. В. Шуленбург явился на прием к наркому иностранных дел В. М. Молотову в 5 ч. 30 мин., т. е. после начавшегося вторжения вермахта в нашу страну. Он пришел, чтобы вручить ноту своего правительства и заверил наркома, что во время встречи накануне вечером он «ничего не знал», т. е. не знал о намерениях своего правительства. Посол был явно в подавленном настроении и назвал действия своего правительства «неоправданными и неожиданными». На вопрос, что означает эта нота, он ответил: это начало войны. От имени Советского правительства В. М. Молотов заявил: «Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной»⁵⁶.

Когда сегодня некоторые персоны в России способствуют распространению лжи, что Гитлер упредил Сталина, начав «превентивную войну», то они не просто повторяют ложь нацистов, но фактически идентифицируют себя с фальсификаторами истории.

Версия «превентивной» войны Гитлера против Сталина, введенная в оборот Геббельсом в первый день войны, в день нападения Германии на Советский Союз, странным образом возродилась в 90-х годах XX века не на германской, а на российской почве, в частности в книгах некоего Резуна, выступающего кощунственно под псевдонимом Суворов (см. «Ледокол» и др.). Одним из первых отверг эту нацистскую

версию германский генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс, принимавший непосредственное участие в разработке и реализации «Плана Барбаросса», но попавший в плен на исходе Сталинградской битвы.

Собственноручно написанное заявление Ф. Паулюса, направленное в адрес Советского правительства в январе 1946 года, важное свидетельство относительно подготовки Германии с самого начала к агрессивной, но отнюдь не превентивной войне против Советского Союза. Цель операции была с самого начала обозначена германским командованием как захват Москвы, Ленинграда и Украины с последующим завоеванием Северного Кавказа с его нефтяными промыслами. «Конечная цель, — писал германский фельдмаршал, — характеризует это планирование как прямую подготовку агрессии, что кроме того вытекает из факта, что не предусматривались никакие оборонительные меры. Тем самым разоблачаются лживые утверждения Верховного Командования Вермахта относительно превентивной войны против якобы угрожающей опасности, аналогичные распространявшимися геббельсовской пропагандой»⁵⁷.

Известно, что уже в первые после нападения дни войны Германии против СССР главы правительств Великобритании и США — У. Черчилль и Ф. Д. Рузвельт, публично заявили, что будут действовать совместно с Советским Союзом против общего врага — нацистской Германии. Однако это было всего лишь заявление о намерениях, за которым должны были последовать конкретные действия, однако начало реальных действий затянулось на многие месяцы, во время которых Советский Союз один противостоял вооруженному вторжению нацистской Германии и ее союзников. Правда, в течение нескольких недель было выработано весьма краткое (всего в один абзац) соглашение между СССР и Великобританией о совместной борьбе против Германии. Однако это не был еще союзный договор в собственном смысле слова. Правительство США прежде чем оказать реальную материальную помощь, хотя бы военными материалами, потребовало от Советского правительства сведения о золотом запасе страны. Только после известной миссии Гопкинса в Москву США приняли решение о применении закона о ленд-лизе к воюющей стране, однако в довольно ограниченных масштабах. В самый тяжелый начальный период войны Советский Союз вел боевые действия против превосходящих сил противника, не получая реальной помощи со стороны потенциальных союзников.

Еще в первый месяц войны И. В. Сталин в личном послании У. Черчиллю 18 июля 1941 г. поставил вопрос об открытии второго фронта в Европе против Германии⁵⁸. С этого момента задачей советской дипломатии стало создание антинацистской коалиции государств и открытие второго фронта союзников в Европе. Однако формирование коалиции затянулось на несколько месяцев, а открытие второго

фронта на целых три года. Выжидательная позиция Великобритании и США выражала расчет их правящих кругов вести войну против Германии чужими силами, силами Советского Союза, вплоть до полного истощения страны, «до последнего русского солдата».

Вынужденное отступление Красной армии дорого обошлось стране: территориальные, материальные и людские потери были неизмеримы. За несколько месяцев изнурительной войны страна потеряла довоенную кадровую армию, а имевшиеся резервы надо было не только одеть, обувь и вооружить, но и подготовить к боевым действиям в суровых условиях зимы. Вопрос об ответственности за потери начального этапа войны до сих пор остается сложным вопросом, из которого еще долго надо будет извлекать выводы и уроки. Именно так и ставит вопрос генерал армии М. А. Гарева. Главный урок из опыта большой войны заключается в том, что страна должна постоянно укреплять вооруженные силы, способные отстаивать интересы народа. Обвинять И. В. Сталина в том, что он сидел сложа руки и не готовил страну к серьезным испытаниям, к войне, было бы несправедливо. Такая подготовка, конечно, велась, иначе было бы невозможно вооружить и оснастить многомиллионную армию. Однако исторический просчет И. В. Сталина состоял в том, что в условиях уже идущей мировой войны он весной и летом 1941 г. держался установкой: не «поддаваться на провокации»: он исходил из предположения, что в 1941 году войны не будет.

Оборона Москвы — с 6 сентября по 5 декабря 1941 г., а затем успешное контрнаступление советских войск стала первым стратегическим успехом Советской армии и первым крупным поражением нацистского вермахта в ходе второй мировой войны. Организаторами этой первой крупной победы были верховный главнокомандующий И. В. Сталин и его ближайший сподвижник Г. К. Жуков. Это утверждение не умаляет роль других военачальников, выполнявших свой долг на полях сражений, на различных участках фронта. Однако организаторский талант одного и военное мастерство другого едва ли может подлежать сомнению⁵⁹.

Каждое крупное сражение после разгрома вермахта под Москвой имело серьезные международные последствия: от увеличения поставок военных материалов до многократных обещаний открыть второй фронт и от разработки соглашений о коалиции до готовности обсуждать проблемы послевоенного устройства мира.

Именно в момент начавшегося 6 декабря контрнаступления советских войск в Москву пожаловал британский министр иностранных дел А. Иден. Одним из первых его желаний было увидеть хотя бы одного убитого немца, чего не довелось ему видеть в Европе. Для этого ему устроили поездку к линии фронта. Однако в тот момент британское правительство еще не было готово заключить полноценный

союзный договор между двумя странами и таким образом сформировать антинацистскую коалицию. Камнем преткновения стало нежелание признать предвоенный территориальный состав Советского Союза, т. е. включение в его состав пограничных территорий в 1939–1940 гг. Только в результате миссии В. М. Молотова в Лондон в мае 1942 г. был подписан англо-советский союзный договор. Договор о союзе и послевоенном сотрудничестве от 26 мая 1942 г. закрепил формально складывавшиеся союзные отношения. За ним последовало соглашение СССР и США о принципах, применимых к совместной войне против Германии, который правящие круги США не захотели назвать союзным договором.

Поражение под Москвой означало для Германии несостоятельность стратегического плана под кодовым названием «Тайфун», на выполнение которого было брошено более 50 дивизий группы армий «Центр». План захвата Москвы был определен директивой германского командования за № 35 от 6 сентября 1941 г. В сражении под Москвой столкнулись миллионные группировки войск. С 1 января 1942 г. по 30 марта 1942 г. вермахт потерял под Москвой убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 330 тысяч человек. Выведены из строя 16 германских дивизий. В целом потери Германии зимой 1941–1942 гг. превысили 830 тысяч человек. В ходе наступательных операций Советская армия отбросила противника на 100–150 км от Москвы, понесла также большие потери. В обороне столицы принимали участие более миллиона человек: такое число граждан было награждено медалью «За оборону Москвы». Сражение за Москву и изгнание противника продолжалось до 20 апреля 1942 г.

«Цена Победы» или трагедия безвозвратных потерь

К лету 1942 года германское командование сосредоточило на южном фланге восточного фронта значительные силы с целью развернуть наступление на Сталинград и выйти на подступы к Кавказу. Гитлер рассчитывал обеспечить вермахт горючим, добытым на грозненском промысле. Сражение миллионных группировок войск в пространстве между Доном и Волгой, продолжавшееся с 17 июля 1942 г. до 2 февраля 1943 г. закончилось, как известно, полным поражением и разгромом 6-й германской армии под командованием генерал-полковника Ф. Паулюса, произведенного в последний день в фельдмаршалы. А. Гитлер считал, что фельдмаршал не должен попасть в плен к русским. Из более чем 300 тысячной группировки 90 тысяч солдат и офицеров оказалось в плену, в том числе командующий армии фельдмаршал Ф. Паулюс.

Победа Советской армии в битве за Сталинград означала коренной перелом в ходе всей мировой войны. Непосредственным результатом этой великой битвы стало усиление движения Соппротивления на-

цизму в ряде оккупированных стран Европы, в том числе в самой Германии⁶⁰.

Открытие второго фронта на европейском континенте в тот момент, конечно, могло бы ускорить разгром вермахта и окончание войны. Однако, несмотря на обещания и договоренности, западные державы затягивали подготовку открытия второго фронта. У Черчилль полагал, что разговоров об угрозе открыть второй фронт достаточно для психологического воздействия на противника. Высадка десанта в Северной Африке, а затем и на острове Сицилия мало влияла на ход войны на восточном фронте. Гитлеровцы могли даже перебросить бронетехнику, выкрашенную в цвет пустыни, на восточный фронт.

Если Московское сражение было выиграно огромным напряжением сил, но без заранее продуманного плана, а переход в контрнаступление стал возможен в результате постепенного накапливания сил в ходе тяжелых оборонительных боев, то разгром вермахта под Сталинградом имел место также при огромном напряжении сил, но уже по тщательно разработанному плану, имевшему кодовое обозначение «Уран». Подготовительную работу по поручению И. В. Сталина выполнили генералы Г. К. Жуков и А. М. Василевский. План операции был утвержден 13 ноября 1942 г. Огромное значение для успешных боевых действий имела подготовительная работа на северном и южном флангах.

Если в численности сухопутных сил и в авиации к началу наступления удалось создать некоторое преимущество: один миллион сто тысяч человек против примерно одного миллиона на стороне противника, то существенное преимущество удалось обеспечить в бронетехнике (танках и САУ) и в артиллерии от полутора до более чем двукратного превосходства. Артподготовка наступательных операций играла решающую роль. Не случайно именно в тот момент у советского командования сложилось убеждение, что артиллерия — это бог войны. Реализация замысла верховного командования была возложена на три фронта: Юго-Западный (командующий генерал Н. Ф. Ватутин), Сталинградский (командующий генерал А. И. Еременко) и Донской (командующий генерал К. К. Рокоссовский. Координация действий трех фронтов возложена на генерала А. М. Василевского.

В Сталинградскую эпопею вошли имена десятков тысяч героев — и солдат и офицеров. Поражение под Сталинградом германская пропаганда не могла скрыть от своего народа, а тем более от граждан других стран. Никакие слова о «выравнивании линии фронта» теперь не могли обмануть. Пришлось объявить национальный траур, пожалуй, впервые за все время войны. Однако германское командование не считало утраченной стратегическую инициативу.

К лету 1943 г. оно сосредоточило на выгодных для себя рубежах на т. н. Курском выступе значительные силы, чтобы развернуть новое наступление. В этот момент, собственно в середине войны, против

Советского Союза германский вермахт насчитывал до 10 млн солдат и офицеров, вооруженных современной техникой, на оснащение которой работала промышленность стран не только Центральной, но и Западной Европы, а также оккупированных территорий. Советская армия имела 6,6 млн человек личного состава, которые были оснащены более чем 100 тысячами орудий, 10 тысячами танков и САУ, более чем 19 тысячами самолетов. Перемещенные на восток страны заводы снабжали свою армию техникой и боеприпасами.

По плану «Цитадель» германское командование бросило против наших войск Центрального фронта (командующий генерал К. Рокоссовский) и Воронежского фронта (командующий генерал Н. Ф. Ватутин) 50 свежих дивизий, в т. ч. 16 танковых и моторизованных, из 196 дивизий, находившихся на восточном фронте. Цель операции заключалась в том, чтобы отрезать от «большой земли» курский выступ ударами от Орла и от Белгорода на Курск, втянув в котел стратегический резерв советского командования. Однако советское командование создало под Курском мощный оборонительный рубеж. Если германская группировка насчитывала около 990 тысяч живой силы, то советские войска составляли 1336 тысяч человек. Германские войска имели около 10 тысяч орудий и минометов, советские более 19 тысяч единиц. По танкам и самолетам также было создано преимущество: 3400 танков против 2700 и 2200 самолетов против примерно 2 тысяч немецких самолетов. Один из важных факторов успеха советских войск состоял в своевременной информации командования относительно плана наступления противника, что позволило нанести упреждающий удар после развертывания его сил для наступления.

На Курской дуге в районе деревни Прохоровка имело место крупнейшее в истории войн танковое и артиллерийское сражение, в котором верх взяли советские воины. По случаю освобождения г. Белгорода в Москве был дан первый артиллерийский салют. Вскоре после курской битвы ближайшая союзница нацистской Германии — Италия — была вынуждена в сентябре 1943 г. сменить правительство и выйти из войны. В октябре 1943 г. в Москве встретились министры иностранных дел СССР, Великобритании и США, чтобы подготовить встречу и совещание большой тройки с целью наметить контуры послевоенного устройства мира.

1943 год вошел в историю Второй мировой войны как год коренного перелома в ходе всемирной войны. В конце января — начале февраля завершилась великая битва в пространстве между Волгой и Доном. В период с 12 по 30 января советские войска предприняли попытку прорвать кольцо блокады Ленинграда. Операция силами двух фронтов Ленинградского и Волховского — привела к прорыву кольца, что несколько облегчило положение населения. Однако полностью снять блокаду города не удалось. Тогда же

в феврале началась подготовка операции «Полярная Звезда» с целью разгрома германской группировки «Север», однако выполнение этой задачи требовало времени и дополнительных сил. Определенным успехом стало овладение силами Северо-западного фронта городом Старая Русса.

На Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. был принят ряд согласованных решений относительно дальнейших совместных действий в ходе войны, а также относительно послевоенного устройства мира. Особенно важным было принятие в принципе идеи создания всемирной организации для обеспечения международного мира и безопасности, воплощенной затем в виде Организации Объединенных Наций.

Конференция глав правительств СССР, Великобритании и США — И. В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Д. Рузвельта, состоявшаяся в Тегеране в конце ноября 1943 года, имела кодовое обозначение «Эврика». Декларации, принятые на конференции, разумеется, не раскрывали всех замыслов большой тройки. Скажем, если были намечены сроки открытия второго фронта, то в опубликованной 1 декабря 1943 г. Декларации трех держав было объявлено следующее: «Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут приняты с востока, запада и юга»⁶¹.

Самое важное заключалось в том, что эта конференция, на которой принята декларация трех держав об Иране, положила начало ряду встреч глав трех держав, на которых решались проблемы послевоенного урегулирования, территориального и политического устройства стран Европы и Азии. Сам факт встречи глав правительств за столом переговоров свидетельствовал о полном признании значения побед Советской армии и роли Советского Союза как великой державы в решении проблем мировой политики.

Согласованный в Тегеране срок открытия второго фронта не был точно выполнен. Второй фронт в Нормандии, на севере Франции, был открыт только 6 июня 1944 года, когда Советская армия нанесла по вермахту ряд стратегических ударов и продолжала очищение своей земли от нацистских захватчиков. Летом и осенью 1944 года были выведены из войны Финляндия, Румыния и Болгария, что существенно сократило линию фронта для наступающей Советской армии. На фоне гигантских по масштабам сражений на восточном фронте высадка десанта в Нормандии имела, конечно, определенное военное значение, но большее значение она имела, разумеется, политическое, как выражение воли западных держав участвовать в разгроме противника, хотя бы на заключительном этапе войны.

В статистике потерь воюющих сторон не может быть бухгалтерского баланса, как не может быть рыночных отношений в военном деле. Нападающая сторона использует фактор внезапности и наносит удар

в удобный для себя момент. На начальном этапе войны агрессор наносит большой ущерб жертве агрессии. Долговременные факторы, факторы затяжной войны вступают в силу не сразу, не автоматически. Вермахт вторгся на территорию нашей страны с заранее подготовленного плацдарма и начал продвижение на фронте в несколько тысяч километров. Блицкриг — молниеносная война дала германскому командованию выигрыш на начальном этапе войны. Не только части, но и соединения оказывались в окружении противника. Именно поэтому значительные массы наших солдат попали в плен: 2 млн человек в 1941 г. и 1,4 млн чел. в 1942 г.

Комиссия специалистов в генштабе изучала материалы, относящиеся к учету потерь обеих сторон. Результаты расследования были опубликованы в виде целого тома сведений⁶². Обобщенные данные дают возможность сравнить потери СССР и Германии. Безвозвратные потери советских вооруженных сил составили около 9 млн личного состава. Потери фашистского блока составили 9,3 млн чел., в том числе 7,4 млн германских граждан. Потери Советского Союза, таким образом, примерно на 1,5 млн больше, чем потери Германии. Однако надо учитывать и потери союзников Германии. Значительное превышение потерь Советской армии объясняется и тем, что из 4,5 млн советских солдат, попавших в плен, более 2 млн погибли от голода и репрессий в германских лагерях, тогда как из примерно 2 млн германских пленных большая часть выжила в суровых климатических условиях России и вернулась домой после определенного срока.

Общие потери населения Советского Союза превысили 26 млн человек, главным образом, из-за того, что германские оккупанты подвергли массовому уничтожению мирное население страны. В результате карательных операций, повальных расстрелов, голода и болезней погибли 18 млн граждан страны. В блокаде Ленинграде погибли около миллиона граждан.

В фондах Российского Государственного Военного Архива нами выявлен важный документ, который дает точный ответ на вопрос, сколько военнопленных находилось в лагерях НКВД в 1941–1945 гг. Документ имеет название: «Статистические сведения о военнопленных европейских армий, принятых ГУПВИ МВД СССР за период войны 1941–1945 гг.». Достоверность сведений не подлежит сомнению, поскольку это официальный документ, составленный для служебного пользования. Папка имеет пометки: начато 1 января 1946 г., окончено 31 декабря 1946.

Из этого обстоятельного отчета следует, что всего за годы войны приняты в лагеря военнопленных 3 149 862 человека 59 национальностей, в том числе 1 949 994 немцев и 145 738 австрийцев. Абсолютное большинство военнопленных вскоре после окончания войны вернулось на родину. На 1 января 1946 г. в лагерях находились еще 1 645 183 человека, а на 1 января 1947 г. 1 334 795 человек. Известно, что в 1953 г.

все германские военнопленные были возвращены по месту их довоенного жительства. До 1955 года в нашей стране находились около девяти тысяч немцев, осужденных за военные преступления. Они были отпущены после установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ⁶³.

Основы послевоенного мироустройства

Основополагающей идеей послевоенного устройства кроме мирного урегулирования стала идея создания международной организации безопасности, идея предотвращения агрессии любой державы, но особенно «держав оси». Декларация объединенных наций 1 января 1942 года уже дала приемлемую формулу: Объединенные Нации — не союзные и не ассоциированные, а именно объединенные в борьбе против агрессивных держав. Когда сегодня говорят, что Россия — союзница США в борьбе против террористов, следует помнить, что США не желали считать себя союзником России даже в годы совместной борьбы против Германии и Японии.

На Московской конференции министров иностранных дел трех держав (СССР, Великобритании и США) 19–30 октября 1943 г. — первой конференции союзников в собственном смысле слова, а затем в Тегеране (ноябрь 1943 г.) было ясно выражено намерение создать всемирную организацию для поддержания международного мира и безопасности. Тогда же намечены первые контуры послевоенного устройства мира. В повестку дня вставал вопрос о составе, структуре и механизме деятельности такой международной организации. По предложению Советского Союза решено было начать работу по составлению устава международной организации с учетом опыта Лиги наций.

Конференция представителей СССР, США и Великобритании была созвана 21 августа 1944 г. в местечке Думбартон-Окс в США⁶⁴. Надо полагать, что в связи с очередной годовщиной окончания войны и создания ООН исследователи напомнят об обстоятельствах выработки основных принципов этой универсальной организации, которая включила при учреждении 51 государство и в послевоенные десятилетия охватила более 190 государств мира. Это, конечно, показатель жизнеспособности не только самой идеи предотвращения агрессивных войн, но и эффективности ее деятельности при условии соблюдения принципов международного права. Чтобы модернизировать организацию, не превращая ее в прямо противоположный институт, надо знать основные намерения первоначальных участников. Иначе это будет уже иная организация.

Высадка десанта и экспедиционного корпуса союзников во Франции была, разумеется, важным политическим и военным событием. Оно могло бы иметь еще большее значение, если бы последовали серьезные наступательные действия и вторжение сил союзников на территорию собственно Германии.

Однако серьезных сражений не последовало. Более того, в конце 1944 г. германское командование решило преградить путь англо-американским силам и отбросить их хотя бы на одном участке и, возможно, склонить США и Великобританию к сепаратному миру или хотя бы перемирию. Союзные войска оказались в районе Арденн в весьма сложном положении, можно сказать, в критическом положении. Союзники обратились за помощью к Советскому правительству. Личное и строго секретное послание У. Черчилля маршалу И. В. Сталину от 6 января 1945 г. начиналось словами: «На Западе идут очень тяжелые бои...». Британский премьер поставил вопрос: «...Можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января...» И. В. Сталин дал ответ тотчас по получении послания У. Черчилля 7 января: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. «В зимних условиях затруднено применение не только авиации, но и артиллерии. Как только был получен ответ И. В. Сталина, У. Черчилль не преминул блеснуть дипломатическим мастерством, вставив фразу в очередное послание 9 января: «Битва на Западе идет не так уж плохо. «Тяжелые бои», которые вели главным образом американцы на узком участке фронта в несколько десятков километров, превратились за три дня в «битву», которая, возможно, позволит «вытеснить гуннов», т. е. немцев, со своего выступа. Советская армия, между тем, развернула наступление на фронте в тысячу километров и в конце января вышла на довоенные границы Германии⁶⁵.

Уже в конце 1944 г. в переписке между главами правительств СССР и Великобритании обсуждалась возможность новой встречи глав «большой тройки», которой дано кодовое название «Аргонавт». Такая встреча состоялась в Крыму с 4 по 11 февраля 1945 г. в историческом Ливадийском дворце. В итоге переговоров за круглым столом были согласованы действия союзников на завершающем этапе войны, политика трех держав в отношении послевоенной Германии, мирного урегулирования после окончания войны. Кроме того, подписан договор, определивший условия вступления СССР в войну против Японии. Особенно важное значение имела выработка к этому моменту Устава ООН. Три державы согласовали принципиальные положения для обеспечения их сотрудничества в будущем: условия приема в члены ООН, состав Совета безопасности и процедуру голосования в Генеральной Ассамблее ООН и в Совете безопасности. Принципиально важным было решение вопроса о принятии решений в Совете без-

опасности ООН в конфликтных ситуациях: принцип единогласия постоянных членов Совета, получивший в обиходе название право вето.

В ходе войны в центре внимания, естественно, находились вопросы, связанные с противоборством с агрессивными державами «оси», создания второго фронта против агрессоров, создание коалиции держав и взаимопомощи — военной и материальной, в частности по принципу ленд-лиза, т. е. взаймы и в аренду. На завершающем этапе войны на первый план, естественно, вышли проблемы территориального и политического устройства государств Европы и Азии после войны, политики в отношении вражеских государств. Особенно остро стоял вопрос: как быть с Германией? В американских и британских правящих кругах вынашивались планы расчленения Германии на три–пять отдельных государств, деиндустриализации страны и превращения ее в сплошное «картофельное поле». Советское правительство склонялось к тому, чтобы сохранить единую Германию, которая стала бы миролюбивым, дружественным государством, которое не будет угрожать миру в Европе. В принципе был решен вопрос о том, что ответственная за развязывание войны Германия должна платить репарации, т. е. компенсацию за ущерб, нанесенный другим государствам в результате агрессии.

Ввиду успешного зимнего наступления Советской армии у некоторых командующих фронтами возник соблазн продвинуться по территории Германии и «с ходу» взять Берлин. Верховное командование, очевидно, взвесив все за и против, приняло решение тщательно подготовиться к ответственному сражению: необходимо было сосредоточить силы, подтянуть резервы, пополнить техникой и боеприпасами миллионные группировки войск. Не простой задачей оказалась ликвидация германской группировки в Восточной Пруссии и взятие Кёнигсберга.

В середине апреля 1945 г. три фронта Советской армии приступили к реализации заключительной операции — взятию Берлина. 16 апреля началось наступление. К северу от Берлина в наступление перешел 2-й Белорусский фронт под командованием маршала К. Рокоссовского, к югу от Берлина — 1-й Украинский фронт под командованием маршала И. С. Конева, а на центральном направлении — 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Г. К. Жукова. Каждый из фронтов имел в своем составе несколько группировок и армий, каждую из которых возглавляли закаленные и прославленные в сражениях генералы. Вермахт оказал отчаянное сопротивление советским войскам.

Штурм Берлина стал одним из самых крупных и кровопролитных сражений второй мировой войны. Ожесточенные бои на Зееловских высотах на подступах к столице нацистского рейха стоили больших жертв. 1 мая 1945 г. Знамя Победы развевалось над рейхстагом. 2 мая Берлин капитулировал. В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. в районе Карлсхорст командующие родами войск Германии подписали

Акт о военной капитуляции. Это была безоговорочная капитуляция нацистского рейха. В последовавших за этим документах, в частности в Декларации о поражении Германии, было объявлено, что всю полноту власти на территории Германии взяли на себя представители держав-победителей. На конференции союзников в Потсдаме в июле–августе

1945 года были приняты исторические решения, определившие политику в отношении Германии, потерпевшей сокрушительное поражение во второй мировой войне. Германский вопрос, т. е. вопрос о статусе германской нации в Европе и в мире, стал одним из острых вопросов мировой политики на несколько послевоенных десятилетий.

Хроника основных событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

22 июня 1941 г.	Нацистская Германия и ее союзники начали агрессивную войну против Советского Союза
12 июля 1941 г.	Правительства Союза ССР и Великобритании подписали Соглашение о совместных действиях в войне против Германии
30 сентября — 5 декабря 1941 г.	Оборона Москвы
5 декабря — 20 апреля 1942 г.	Контрнаступление Советской армии на западном направлении, провал германского плана «Тайфун»
26 мая 1942 г.	Заключен договор между СССР и Великобританией «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны»
11 июня 1942 г.	Подписано соглашение между правительствами СССР и США «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии»
17 июля — 18 ноября 1942 г.	Оборонительные сражения Советской армии на Сталинградском направлении
19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г.	Разгром 6-й армии вермахта в Сталинграде по плану советского командования «Уран»
5 июля — 23 июля 1943 г.	Оборонительные сражения Советской армии на Курской дуге, провал германского плана «Цитадель»
12 июля — 23 августа 1943 г.	Контрнаступление Советской армии в пространстве между Орлом и Белгородом
3–8 сентября 1943 г.	Высадка британских войск на юге Италии, капитуляция Италии.
19–30 октября 1943 г.	Конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве
28 ноября — 1 декабря 1943 г.	Конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании в Тегеране (кодовое название встречи — «Эврика»)
27 января 1944 г.	Окончательное освобождение Ленинграда от блокады
24 декабря 1943 г. — 17 апреля 1944 г.	Разгром фашистских войск на правом берегу Украины
12 мая 1944 г.	Освобождение Крыма
23 июня — 29 августа 1944 г.	Белорусская наступательная операция
14 января — 1 марта 1944 г.	Ленинградско-новгородская операция советских войск
14 сентября — 24 ноября 1944 г.	Прибалтийская наступательная операция
20–29 августа 1944 г.	Яско-кишиневская наступательная операция
12 января — 3 февраля 1945 г.	Висло-Одерская наступательная операция Советской армии
4–11 февраля 1945 г.	Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (кодовое обозначение встречи «Аргонавт»)

16 апреля — 2 мая 1945 г.	Берлинская наступательная операция
8–9 мая 1945 г.	Подписание Акта о военной капитуляции Германии
5 июня 1945 г.	Подписание декларации о поражении Германии
17 июля — 2 августа 1945 г.	Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании (кодовое обозначение конференции «Терминал»).
2 сентября 1945 г.	Капитуляция Японии

¹ См. Ахтамзян И. А. Нацистский генеральный план «Ост». Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход. : Документальные очерки/ сост. А. А. Ахтамзян. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. МГИМО-Университет, 2010. — С. 249.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 в 6 томах. М. 1960–1965.

История Второй мировой войны 1939–1945 в 12 томах. М. 1973–1982.

65 лет Великой Победы в шести томах. Под общей редакцией С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М. 2010.

Великая Победа (многотомное продолжающееся издание) МГИМО–Университет, т. IX, М. 2013.

³ Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт. М., 2005. Ф. Гальдер. Военный дневник. 1941. Смоленск, 2006. Бок Ф. Дневники 1939–1945. Смоленск, 2006.

⁴ М. А. Гареев. Полководцы Победы и их военное наследие. М., 2004.

⁵ С. Митчем Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998. С. 3.

⁶ Б. Алексаедер. 10 фатальных ошибок Гитлера. Фюрер мог выиграть войну? М. «Яуза-пресс», 2010.

⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М. 1960–1965.

История Второй мировой войны, 1939–1945. в 12 томах, М. 1973–1982

⁸ Анфилов В. А. Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны, М. 1971.

Безыменский Л. Укрощение «Тайфуна», М. 2001. Гареев М. А. Полководцы Победы и их военное наследие, М. 2004.

Дашичев В. И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. В четырех томах., М., 2005. Колл. авторов. Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход. (сост. А. Ахтамзян), М. 2010.

⁹ Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. Под общей редакцией доктора исторических наук, профессора О. А. Ржешевского. М., 2005.

¹⁰ Маршал Жуков. Воспоминания и размышления в трех томах. (12-е издание), т. 2, М. 1995

¹¹ Гальдер Ф. Военный дневник:1941 год. Смоленск, 2006. Бок Ф. Дневники 1939–1945. Смоленск, 2006.

Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт, М. 2005. Манштейн Э. Утерянные победы. Ростов. 1999.

Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42, М. 1980.

¹² Гальдер Ф. Военный дневник: 1941 год. Смоленск, 2006. С. 298.

¹³ Дашичев В. И. Цит. соч., т. 3. С. 88.

¹⁴ Анфилов В. А. Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М. 1971. С. 445.

¹⁵ Вторая мировая война. М., 1985. С. 139.

¹⁶ Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда: Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1941–1942 гг. Смоленск, 2001.

¹⁷ Там же. С. 454.

¹⁸ Незабываемый 41-й. М., 2007. С. 10–16.

¹⁹ Елисеев Н. С. Партизанское движение в битве под Москвой. Там же, с 17–23.

²⁰ Дашичев В. И. Цит. соч., С. 327–329.

²¹ Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998. С. 212.

²² Вторая мировая война. М., 1984. С. 140.

²³ Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход. М., 2010. С. 308.

²⁴ Там же. С. 305.

²⁵ Жуков Г. К. Цит. соч., т. 2. С. 217.

²⁶ Анфилов В. А. Цит. соч., С. 455–456.

²⁷ Дашичев В. И. Цит. соч., т. 3. С. 337.

²⁸ Маршал Жуков. Воспоминания, т. 2.

²⁹ Емельянов Ю. Сталин — Генералиссимус Великой Победы. М. 2008. С. 292

- ³⁰ Маршал Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления в трех томах, т. 2, (12-е издание), М. 1995. С. 212–213.
- ³¹ Там же. С. 226.
- ³² Митчем С. Цит. соч., С. 215.
- ³³ Там же. С. 215.
- ³⁴ Маршал Жуков. Воспоминания, т. 2. С. 240–249.
- ³⁵ Анфилов В. А. Цит. соч. (М. 1982. С. 284–285.
- ³⁶ Анфилов В. А. Цит. соч., С. 328–329.
- ³⁷ Фон Бок. Дневники 1939–1945. Смоленск, 2006. С. 385–386.
- ³⁸ Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда: военный дневник, М., 2001. С. 507.
- ³⁹ Дашичев В. И. Цит. соч., С. 340.
- ⁴⁰ Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда. Военный дневник, М. 2001. С. 500–506.
- ⁴¹ Федор фон Бок. Дневники. 1939–1945. М. 2006. С. 391–392.
- ⁴² Бок Ф. Цит. соч., С. 394–395.
- ⁴³ Анфилов В. А. Незабываемый Сорок первый. С. 322–323. С. 334–335.
- ⁴⁴ Жухрай В. М. Роковой просчет Гитлера. М., 2000. С. 281.
- ⁴⁵ Цит по: Соколов В. В. Российская дипломатия в 1941 г. в период битвы под Москвой. В брошюре «Незабываемый 41-й. М., 2007. С. 28.
- ⁴⁶ Чуйков В. И. Миссия в Китае. М., 1981. С. 217. Цит. по: Соколов В. В. Цит соч., С. 28.
- ⁴⁷ Рисс К. Адвокат дьявола Геббельс. М., 2000. С. 296.
- ⁴⁸ Риббентроп И. Мемуары нацистского дипломата, М. 1998. С. 262–263.
- ⁴⁹ Шеленберг В. Секретная служба Гитлера. Киев, 1991. С. 60.
- ⁵⁰ Шеленберг В. Цит. соч., С. 60.
- ⁵¹ Гареев М. А. Полководцы победы и их военное наследие. М., 2004. С. 132–134.
- ⁵² Военно-промышленный курьер ВПК № 46 (412), 23–29 ноября 2011 г.
- ⁵³ Цит. по Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 185. Роковые решения. М., 1958. С. 108.
- ⁵⁴ См. Вторая мировая война. Краткая история. «Наука. М., 1984. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. Издание третье. М., 1984. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Изд. 2-е. М., 1985.
- ⁵⁵ Маршал Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления в трех томах. М., 1995.
- ⁵⁶ СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М., 1996.
- ⁵⁷ Российский Государственный Военный Архив. Фонд 463, опись 1, ед. хр. 17. «Учетное дело №4613» (или «Папка № 17»).
- ⁵⁸ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1958. С. 10–11.
- ⁵⁹ Капченко Н. И. Политическая биография Сталина, том III (1939–1953). Тверь, 2009. С. 349–374.
- ⁶⁰ Пещерский В. «Красная Капелла». М., 2000.
- ⁶¹ Тегеран. Ялта, Потсдам. Сборник документов. М., 1970. С. 98–99. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в шести томах. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 19–30 октября 193 г. Сборник документов. М., 1978.
- ⁶² См. также. Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева.
- ⁶³ Российский Государственный Военный Архив. Фонд 1-Е. опись 01, ед. хр. 55.
- ⁶⁴ См. Крылов С. Б. История создания ООН. М., 1949 и 1961. ?
- ⁶⁵ Переписка, т. 1. С. 298–299.